

ЭЛИЗАБЕТ ХОЙТ

Трешные намерения

ШАРМ

Шарм (АСТ)

Элизабет Хойт

Грешные намерения

«Издательство АСТ»

2010

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Хойт Э.

Грешные намерения / Э. Хойт — «Издательство АСТ»,
2010 — (Шарм (АСТ))

ISBN 978-5-17-147078-4

Холодный и циничный лорд Лазарус Кэр и истинный образец благочестия Темперанс Дьюз... Что могло их объединить? Лорд Кэр ищет убийцу в грязных лондонских трущобах Сент-Джайлз, а кто знает обитателей этого района лучше Темперанс, занимающейся там благотворительностью? Союз соблазнителя и добродетельной молодой вдовы поначалу носит лишь деловой характер. Но с каждым днем Лазаруса и его верную помощницу окружает все больше опасностей. И с каждым днем их все сильнее влечет друг к другу...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-147078-4

© Хойт Э., 2010

© Издательство АСТ, 2010

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	28
Глава 4	40
Глава 5	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Элизабет Хойт

Грешные намерения

Elizabeth Hoyt

WICKED INTENTIONS

© Nancy M. Finney, 2010

© Перевод. Е.П. Ананичева, наследники, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Глава 1

Когда-то в давно забытой всеми земле жил могущественный король, которого все боялись и никто не любил. И звали его король Ледяное Сердце...

«Король Ледяное Сердце»

Лондон, февраль 1737 года

Женщина, в полночь покинувшая дом на Сент-Джайлс, была или очень глупой, или совершенно отчаявшейся. Или и то и другое, с горьким юмором заметила Темперанс Дьюз.

– Говорят, вот в такие ночи и появляется призрак святого Джайлса, – сказала Нелл Джонс, ее служанка, обходя вонючую лужу в узком переулке.

Темперанс с сомнением взглянула на Нелл. Та провела три года с труппой бродячих актеров и иногда проявляла склонность к мелодраме.

– Никакой призрак святого Джайлса тут не появляется, – уверенно возразила Темперанс. Этой холодной зимней ночью здесь и без злых духов было довольно страшно.

– О, этот правда появляется. – Нелл крепче прижала к себе спящего младенца. – У него на лице маска, он одет в пестрый клетчатый костюм Арлекина и вооружен страшным мечом.

Темперанс задумалась.

– Костюм Арлекина? Что-то не очень вяжется с призраками.

– А если это дух умершего Арлекина, который вернулся, чтобы преследовать живых?

– За плохие отзывы о его игре?

Нелл фыркнула.

– А еще он обезображен.

– И кто это узнал, если он носит маску?

Они подошли к концу переулка, и Темперанс показалось, что она видит впереди свет. Она высоко подняла фонарь, а другой рукой чуть крепче сжала старинный пистолет. Тяжелое оружие, от которого болела рука. Темперанс могла бы принести его в мешке, однако тогда бы он не выполнил своего предназначения. Пистолет был заряжен, но в нем был лишь один заряд, и, честно говоря, она слабо представляла, как обращаться с этим оружием.

Все же пистолет выглядел угрожающе, и это главное. Ночь была темной, ветер зловеще завывал. Сент-Джайлс не умолкал ни на минуту – спорящие голоса, стоны, смех и время от времени странный, леденящий кровь крик. Сент-Джайлс заставил бы любую отважную женщину бежать из него без оглядки.

Даже без рассказов Нелл.

– Ужасающе обезображен, – продолжала Нелл, не обращая внимания на рассудительность Темперанс. – Говорят, у него начисто сгорели губы и веки, как будто он когда-то погиб в огне. Говорят, он усмехается, обнажая свои желтые зубы, когда подходит к тебе, чтобы выпустить кишки.

Темперанс наморщила нос.

– Нелл!

– Так говорят, – убежденно сказала Нелл. – Призрак разрезает свои жертвы и играет их внутренностями, а затем исчезает в темноте.

Темперанс содрогнулась.

– Зачем ему все это?

– Зависть, – с тем же убеждением пояснила Нелл. – Он завидует живым.

– Ну, я все равно не верю в привидения. – Темперанс глубоко вдохнула, когда они свернули в небольшой грязный двор. На противоположной стороне виднелись две фигуры, но они исчезли при приближении женщин. Темперанс облегченно вздохнула. – Как я не люблю ходить по ночам.

Нелл похлопала ребенка по спинке.

– Еще полмили, там мы уложим малышку в постель, а утром пошлем за кормилицей.

Темперанс прикусила губу, они зашли в другой переулок.

– Ты думаешь, она доживет до утра?

Но Нелл, которая обычно охотно высказывала свое мнение, промолчала. Темперанс посмотрела вперед и прибавила шаг. На вид ребенку было всего несколько недель, но он не издал и звука с тех пор, как они вынули его из рук умершей матери. Обычно здоровые младенцы громко давали о себе знать. Страшно подумать, что они с Нелл напрасно предприняли это опасное путешествие.

Но разве у них был какой-то выбор? Когда Темперанс сообщили из приюта, что младенец нуждается в ее помощи, было еще совсем светло. Она по горькому опыту знала, что если они будут ждать до утра, то ребенок, лишенный заботы, погибнет той же ночью или уже будет продан нищим. Дети, купленные нищими, приносили большую прибыль, вызывая у прохожих жалость. И для этого малышу могли вырвать глаз или сломать руку или ногу. Нет, выбора у Темперанс действительно не было. Младенец не мог ждать до утра.

Теперь они шли по узкому проходу между высокими домами, стены которых грозились обрушиться. Мимо проскользнула тощая кошка, а затем совсем рядом раздался крик.

Темперанс остановилась.

– Кто-то там, впереди, – хрипло прошептала Нелл.

Они услышали шаркающие шаги и неожиданный громкий крик.

Темперанс слотнула. В переулке не спрячешься. Можно или вернуться, или идти дальше.

Это все и решило. Ночь была холодной, а холод опасен для младенца.

– Держись за меня крепче, – шепнула Темперанс служанке.

– Как блоха за собаку, – проворчала Нелл.

Темперанс расправила плечи и вытянула перед собой руку, сжимавшую пистолет. Уинтер, ее самый младший брат, сказал, что надо только прицелиться и выстрелить. Это не слишком трудно. Когда они вошли в еще один узкий двор, свет фонаря осветил картину, от которой Темперанс на секунду замерла на месте, перед ней словно на сцене разыгрывалась пантомима.

На земле лежал мужчина с окровавленной головой. Но не это остановило Темперанс – кровь и даже смерть, были довольно обычным делом в Сент-Джайлсе. Нет, ее внимание привлек второй мужчина. Он присел на корточки перед первым, и полы его черного плаща опустились по обе стороны от тела жертвы, как крылья большой хищной птицы. В руках незнакомец держал длинную черную трость с серебряным набалдашником, под цвет его волосам, прямым и длинным, в свете фонаря они тоже блестели как серебро. Почти все лицо скрывала тень, но из-под полей черной треугольной шляпы сверкнули глаза. Темперанс почувствовала на себе тяжесть этого взгляда. Как будто незнакомец дотронулся до нее.

– Лорд спас и уберег нас от зла, – тихо и испуганно сказала Нелл. – Пойдемте отсюда, мэм. Да поскорее!

Получив такое указание, Темперанс, стуча башмаками по булыжнику, перебежала двор и бросилась в еще один переулок, оставив всю эту сцену позади.

– Кто это, Нелл? – запыхавшись, спросила она, шагая по зловонному переулку. – Ты его знаешь?

Неожиданно переулок вывел их на широкую улицу, и Темперанс немного успокоилась, чувствуя себя свободнее.

Нелл сплюнула, словно очищая рот от отвратительного вкуса.

Темперанс посмотрела на нее с любопытством.

– Ты сказала так, как будто знаешь его.

– Знаю? Нет, – ответила Нелл. – Но я видела его раньше. Это лорд Кэр. Лучше его не трогать.

– Почему?

Нелл покачала головой, поджимая губы.

– Мне не следует говорить с вами о подобных людях, мэм.

Темперанс оставила это загадочное замечание без внимания. Они уже вышли на более приличную улицу – у некоторых домов горели фонари, зажженные жильцами. Темперанс завернула за угол на Мейден-лейн и увидела невдалеке здание приюта. Как и соседние дома, это было высокое каменное здание дешевой постройки. Окон было немного, и те были очень узкие, а у входных дверей не было никаких надписей. За все пятнадцать лет своего непрочного существования детский сиротский приют никогда не нуждался в афишировании.

Брошенные и осиротевшие дети не были редкостью в Сент-Джайлсе.

– Благополучно добрались до дома, – сказала Темперанс, когда они подошли к двери. Она поставила фонарь на стертые каменные ступени и достала большой железный ключ, висевший у нее на поясе. – Как мне хочется горячего чая.

– Я уложу малышку в постель, – сказала Нелл, войдя в жалкую маленькую переднюю, безупречная чистота которой не могла скрыть осыпавшейся штукатурки или покоробившихся половиц.

– Спасибо. – Темперанс сняла накидку и повесила ее на крючок, а в дверях появилась высокая мужская фигура.

– Темперанс.

Она обернулась.

– О! О, Уинтер, я и не знала, что ты уже вернулся.

– Это понятно, – сухо заметил ее младший брат. Он кивнул служанке: – До свидания, Нелл.

– Сэр. – Нелл присела и с тревогой посмотрела на брата и сестру. – Я только загляну к детям, можно?

И она побежала вверх по лестнице, оставив Темперанс выслушивать неодобрение Уинтера.

Темперанс расправила плечи и прошла мимо брата. Помещение приюта было длинным и узким, дом был зажат между соседними. У входа находилась небольшая комната, служившая столовой, иногда там принимали важных посетителей. В дальней части дома были расположены кухни, куда сейчас и направилась Темперанс. Все дети ровно в пять часов получили свой обед, но ни она, ни ее брат еще ничего не ели.

– Я как раз собиралась приготовить чай, – сказала Темперанс, разжигая огонь.

Сут, их домашний черный кот, поднялся со своего места перед очагом и потянулся, отправляясь на охоту за мышью.

– Со вчерашнего дня остался кусок говядины, а сегодня утром я купила свежей редиски, – продолжила она.

Уинтер, стоявший за спиной сестры, вздохнул:

– Темперанс.

Она торопливо искала котелок.

– Хлеб немного зачерствел, но, если хочешь, я могу сделать тосты.

Он молчал, и ей пришлось повернуться к нему лицом и встретить неизбежное.

Длинное худое лицо Уинтера было печально, и она почувствовала себя ужасно. Ей было так тяжело разочаровывать его.

– Было еще светло, когда мы ушли, – жалобным голоском сказала она.

Он снова вздохнул, снял свою круглую шляпу и сел за кухонный стол.

– Ты могла подождать моего возвращения, сестра?

Темперанс взглянула на брата. Уинтеру было всего двадцать пять, но он держал себя как человек вдвое старше. Усталость изрезала его лицо морщинами. Широкие плечи опустились, а длинные руки и ноги были слишком худыми. Последние пять лет Уинтер был учителем в маленькой дневной школе приюта.

В прошлом году, когда умер отец, Уинтеру пришлось взвалить на свои плечи неизмеримо больше работы. Конкорд, их самый старший брат, взял на себя заботу о семейной пивоварне. Эйса, второй брат, всегда держался в стороне от сиротского приюта и завел какое-то свое таинственное дело. Обе сестры, Верити, самая старшая, и Сайленс, самая младшая, были замужем. Таким образом приют оказался в руках Уинтера. Даже с помощью Темперанс, а она трудилась в приюте после смерти мужа, умершего девять лет назад, эта работа одному человеку была не по силам. Темперанс беспокоило здоровье брата, но и приют для подкидышей, и крошечная школа были основаны их отцом, и Уинтер чувствовал, что его сыновний долг сохранить оба благотворительных заведения.

Только бы его не подвело здоровье.

Темперанс налила воду в котелок.

– Если бы мы ждали тебя, то уже совсем стемнело бы и ребенок мог бы уже исчезнуть. – Поставив котелок на огонь, Темперанс взглянула на брата. – Кроме того, разве у тебя мало работы?

– А если бы я лишился сестры, у меня стало бы меньше работы?

Темперанс смущенно отвела глаза.

Голос брата немного смягчился:

– Думаешь, это избавило бы меня от горя?

– Нелл знала мать этого ребенка – девушку, которой не было и пятнадцати. – Темперанс взяла хлеб и нарезала его тонкими ломтиками. – Кроме того, у меня был пистолет.

– Гм, – усмехнулся Уинтер. – И если бы на вас напали, ты бы выстрелила?

– Конечно, – с полной уверенностью сказала Темперанс.

– А если бы пистолет дал осечку?

Она нахмурилась. Отец воспитал во всех братьях умение настаивать на своем, и иногда это очень раздражало.

Она поднесла к огню ломтики хлеба.

– Во всяком случае, ничего не случилось.

– Сегодня. – Уинтер снова вздохнул. – Сестренка, ты должна пообещать мне, что больше не будешь совершать такие глупости.

– Гм, – проворчала Темперанс, занимаясь тостами. – Как прошел день в школе?

Сначала она подумала, что Уинтер не захочет сменить тему разговора. Но он сказал:

– Хорошо. Сэмюэль наконец выучил свой урок, и мне не пришлось никого наказывать.

Темперанс взглянула на него с сочувствием. Она знала, что Уинтер ненавидит наказания, даже шлепки рукой, не говоря уже о розгах.

– Я рада, – просто сказала она.

Он заворочался на своем стуле.

– Я вернулся к ленчу, но тебя не было.

Темперанс сняла с огня тост и положила его на стол.

– Я должна была отвезти Мэри Фаунд на место ее новой работы. Думаю, она справится там. Ее хозяйка показалась мне очень доброй, и она взяла всего пять фунтов за обучение Мэри обязанностям горничной.

– Дай Бог. Может, она действительно чему-нибудь научит девочку, и мы больше не увидим Мэри Фаунд.

Темперанс налила кипяток в заварной чайник и поставила его на стол.

– Ты скептик, брат.

Уинтер вытер лоб.

– Прости. Скептицизм – ужасный грех. Я попытаюсь исправиться.

Темперанс молча смотрела на брата. Его беспокоило что-то еще.

Наконец он сказал:

– Сегодня заходил мистер Уэдж.

Мистер Уэдж был владельцем дома. Темперанс замерла, положив руку на чайник.

– Что он сказал?

– Он дал нам всего две недели, а затем он потребует освободить помещения приюта.

– Бог мой!

Темперанс смотрела на маленький кусочек мяса, лежавший на ее тарелке. Он был жилистый и жесткий, но ей очень хотелось его съесть. Теперь же аппетит неожиданно исчез. Уплата ренты за приют была просрочена – в прошлом месяце они не смогли заплатить ренту полностью, а в этом месяце не заплатили совсем ничего. «Может быть, не следовало покупать редиску», – мрачно думала Темперанс. Но дети на прошлой неделе ели только суп с хлебом.

– Если бы только сэр Гилпин упомянул нас в своем завещании, – тихо сказала она.

Сэр Гилпин был близким другом отца и покровителем приюта. Бывший владелец театра, он сумел разбогатеть на «Компании Южных морей» и оказался достаточно сообразительным, чтобы забрать свои деньги до того, как лопнула эта пресловутая афера. При жизни сэр Гилпин был щедрым, но его неожиданная смерть полгода тому назад оставила приют в затруднительном положении. Они кое-как продержались на своих сбережениях, но теперь оказались в страшной нужде.

– Сэр Гилпин был необыкновенно щедрым человеком, – ответил Уинтер. – Я не видел другого джентльмена, который так охотно давал бы деньги на приют обездоленных детей.

Темперанс поковыряла кусочек мяса.

– Что же нам делать?

– Бог поможет, – отодвигая недоеденный ужин, сказал Уинтер и встал. – А если он не поможет, то я, возможно, смогу набрать частных учеников.

– У тебя и так слишком много уроков, – возразила Темперанс. – Тебе и поспать некогда.

Уинтер пожал плечами:

– Разве я смогу жить дальше, если невинных, которых мы защищаем, выбросят на улицу?

Темперанс опустила глаза. У нее не было ответа.

– Пойдем. – Брат протянул ей руку и улыбнулся.

Его улыбка появлялась так редко и так радовала Темперанс. Когда он улыбнулся, все его лицо словно осветилось внутренним светом и на одной щеке появилась ямочка, это придало Уинтеру мальчишеский вид, более свойственный его настоящему возрасту.

Когда Уинтер улыбался, было невозможно не ответить ему улыбкой, что Темперанс и сделала, взяв его за руку.

– Куда же мы пойдем?

– Давай посетим наших подопечных, – сказал он и, взяв свечу, повел ее вверх по лестнице. – Ты когда-нибудь замечала, что во сне они так похожи на ангелочков?

Темперанс засмеялась, они поднялись по узкой деревянной лестнице на верхний этаж. Здесь был маленький холл с тремя дверями. Уинтер поднял свечу, и они заглянули в первую дверь. Там по стенам были расставлены шесть детских кроваток. В этой комнате спали самые маленькие подкидыши, по двое или по трое на одной кровати. У двери, на большой кровати, уже спала Нелл.

Уинтер подошел к ближней от нее кровати. В ней лежали два младенца. Один из них, рыжий краснощекий мальчик, сосал во сне кулачок. Второй ребенок был вдвое меньше, девочка была бледна, под глазами виднелись нездоровые круги. Маленькие завитки тонких черных волос украшали ее голову.

– Ты этого ребенка спасла сегодня? – тихо спросил Уинтер.

Темперанс кивнула. Малышка казалась совсем хрупкой рядом с пышущим здоровьем мальчиком.

Но Уинтер лишь осторожно коснулся пальцем ее ручки.

– Тебе нравится имя Мэри Хоуп?

Темперанс преодолела спазм в горле.

– Очень подходит.

Уинтер кивнул и, в последний раз ласково коснувшись младенца, вышел из комнаты. Вторая дверь вела в спальню мальчиков. На четырех кроватях расположились тринадцать мальчиков, все моложе девяти – в девять их брали в подмастерья. Раскрасневшиеся во сне мальчики спали, раскинув руки и ноги. Уинтер улыбнулся, накрыл трех мальчиков одеялом и положил на кровать чью-то свалившуюся ногу.

Темперанс вздохнула:

– Никто бы не подумал, что обеденный час они провели в переулке, гоняясь за крысами.

– Мальчишки быстро превращаются в мужчин.

– Ты прав. – Темперанс открыла последнюю дверь, ведущую в спальню девочек, и мгновенно с подушки поднялось маленькое личико.

– Вы забрали ее, мэм? – хриплым шепотом спросила Мэри Уитсон.

Она была самой старшей девочкой в приюте, девять лет тому назад ее принесли в приют трехлетней малышкой. Несмотря на молодость Мэри Уитсон, Темперанс иногда оставляла ее присматривать за другими детьми.

– Да, Мэри, – прошептала в ответ Темперанс. – Мы с Нелл благополучно принесли ее домой.

– Я очень рада. – Мэри Уитсон широко зевнула.

– Ты хорошо присматривала за детьми, – шепотом похвалила Темперанс. – А теперь спи.

Скоро наступит утро.

Мэри Уитсон сонно кивнула и закрыла глаза.

Уинтер взял подсвечник со столика у двери, и они вышли из спальни девочек.

– Я тоже воспользуюсь твоим советом, сестра, и пожелаю тебе доброй ночи.

Он зажег от своей свечи другую свечу и дал ее Темперанс.

– Крепкого тебе сна, – ответила она. – А я, наверное, выпью еще чашку чаю.

– Не засиживайся, – сказал Уинтер. Он коснулся пальцем ее щеки и направился к лестнице.

Темперанс смотрела ему вслед, с огорчением замечая, как медленно поднимался он по лестнице. Уже за полночь, а он встанет еще до рассвета, чтобы почитать, написать письма возможным покровителям и подготовиться к урокам в школе. Потом прочитает молитву за завтраком и поспешно займется делами, будет работать все утро до скудного ленча и после ленча – дотемна. Вечером он проверит уроки девочек и почитает Библию другим детям. Но когда Темперанс делилась с Уинтером своими опасениями, он только вопросительно поднимал бровь и спрашивал, кто будет делать эту работу, если не он? Темперанс покачала головой. Ей тоже давно пора спать, ее день начинался в шесть часов – но эти минуты, когда она принадлежала самой себе, были ей дороги. Она жертвовала получасом сна, чтобы посидеть с чашкой чая.

Поэтому Темперанс взяла свечу и спустилась вниз. По привычке она проверила, заперта ли на замок дверь и задвинут ли засов. Потом пошла в кухню, слушая как гудит ветер, трясутся ставни и вздрагивает входная дверь. Темперанс поежилась, радуясь, что она в такую погоду

дома. Потом сполоснула чайник и снова налила в него воду. Заварить свежий чай только для себя было недопустимой роскошью. В стороне от кухни находилась крохотная комнатка. Ее первоначальное назначение было давно забыто, но в ней был маленький камин, и Темперанс превратила ее в свою личную гостиную. Там стояло мягкое кресло, весьма ободранное, но подновленное брошенным на спинку стеганым одеялом. Еще там были столик и скамеечка для ног – все, что нужно, чтобы посидеть у теплого камина. Что-то тихонько напевая, Темперанс поставила чайник, чашку, маленькую сахарницу и подсвечник на старый деревянный поднос. Не помешало бы и молоко, но то, что осталось от завтрака сегодня, пойдет на завтрак на следующее утро. Как бы там ни было, но сахар был преступной роскошью. Темперанс, прикусив губу, посмотрела на маленькую сахарницу. Нужно снять ее с подноса и поставить на место. Темперанс убрала сахар с подноса, но эта жертва не принесла ей удовлетворения. Темперанс только почувствовала усталость. Она взяла поднос и, поскольку обе руки были заняты, повернулась к двери в ее маленькую гостиную спиной и толкнула ее.

Вот поэтому Темперанс не заметила, что в гостиной уже кто-то есть.

В комнатке, развалившись на ее кресле, сидел каким-то чудом появившийся здесь лорд Кэр. Его серебряные волосы рассыпались по плечам, треугольная шляпа лежала на колене, а правая рука поглаживала набалдашник длинной трости черного дерева. Темперанс увидела его близко и поняла, что волосы скрывают его возраст. Вокруг поразительно синих глаз почти не было морщинок, а рот и скулы были твердо очерчены. Он не старше тридцати пяти.

Когда она вошла, он наклонил голову и заговорил глубоким, ровным и слегка угрожающим голосом:

– Добрый вечер, миссис Дьюз.

Она держалась со спокойной уверенностью, эта респектабельная молодая особа, жившая в клоаке, называемой Сент-Джайлс. Увидев Кэра, она вытаращила глаза, но не попыталась убежать. Обнаружив постороннего мужчину в своей жалкой гостиной, она, казалось, ничуть не испугалась.

Интересно.

– Я – Лазарус Хантингтон, лорд Кэр, – сказал он.

– Я знаю. Что вы здесь делаете?

Он поднял голову и пристально посмотрел на нее. Она его знает, но не дрожит от страха? Да, она совершенно спокойна.

– Я пришел к вам с предложением, миссис Дьюз.

Все еще никаких признаков страха, хотя она и посматривает на дверь.

– Вы выбрали не ту женщину, милорд. Уже поздно. Пожалуйста, покиньте мой дом.

Никакого страха и никакого преклонения перед титулом. В самом деле, интересная особа.

– Мое предложение не... э... не относится к недозволенным, – пояснил Кэр. – Оно полностью в рамках приличия. Или почти в рамках.

Она вздохнула и, посмотрев на свой поднос, спросила:

– Не хотите ли чашку чаю?

Кэр чуть не улыбнулся. Чай? Когда в последний раз женщина предлагала ему что-либо столь же прозаическое? Он не помнил.

Но ответил достаточно серьезно:

– Благодарю вас, нет.

Темперанс кивнула.

– Тогда не возражаете?

Она поставила поднос на жалкий столик, села на мягкую скамеечку для ног и налила себе чашку. Лорд Кэр изучал новую знакомую. Она представляла собой одноцветную картину. Платье, корсаж, чулки и туфли – все было совершенно черным. Косынка, прикрывавшая стро-

гий вырез воротника, передник и чепчик – никаких кружев или рюшей – белые. Никакой другой цвет не нарушал строгого вида, и только ярко-красный цвет губ делал черты лица более выразительными. Одежда монахини, а губы сибаритки.

Контраст был завораживающим... и возбуждающим.

– Вы пуританка? – спросил Кэр.

– Нет, – поджала она свои потрясающие губы.

– А. – Он заметил, что она не сказала и о принадлежности к англиканской церкви. Вероятно, она примыкала к одной из многих незначительных религиозных сект, но его интересовало вероисповедание миссис Дьюз только потому, что это имело отношение к его собственной проблеме.

– Как вы узнали мое имя?

Он пожал плечами:

– Миссис Дьюз и ее брат славятся своими добрыми делами.

– В самом деле? – сухо сказала Темперанс. – Я и не знала, что мы известны и за пределами Сент-Джайлса.

Она выглядела скромной и застенчивой, но, несмотря на чопорный вид, была готова укусь. Кэр никогда не узнал бы о ее существовании, если бы последний месяц тайно не вел поиски среди теней Сент-Джайлса. Бесплодные поиски, что и послужило причиной этого визита.

– А как вы вошли? – спросила она.

– По-моему, задняя дверь была открыта.

– Нет, я ее запираю. – Взгляд ее карих глаз встретился с его взглядом. Ее глаза были странного светлого цвета, почти золотого. – А зачем вы пришли, лорд Кэр?

– Я хотел бы предложить вам работу, миссис Дьюз, – тихо сказал он.

Она замерла и поставила чашку на поднос.

– Нет.

– Вы еще не слышали, какую работу я хотел вам предложить.

– Уже за полночь, милорд, а я даже в дневное время не играю в такие игры. Пожалуйста, уходите, или я буду вынуждена позвать брата.

Кэр не шевельнулся.

– Почему не мужа?

– Я – вдова, и уверена, вы это уже знаете. – Она отвернулась, давая понять, что он должен уйти.

Он сидел, вытянув ноги, и в этой крохотной комнате его сапоги почти касались огня.

– Вы совершенно правы, я знаю. И знаю, что вы с братом почти два месяца не платили аренду за это здание.

Темперанс молчала и продолжала пить чай.

– Я хорошо заплачу за потраченное вами время, – тихо добавил Кэр.

Наконец она посмотрела на него, и он увидел, как вспыхнули золотом эти светлые карие глаза.

– Вы думаете, что любую женщину можно купить?

Он потер пальцем подбородок, раздумывая над ее вопросом.

– Да, хотя, возможно, не только за деньги. И не только женщину – любого мужчину можно купить тем или иным способом. Только надо найти подходящую валюту.

Она молча смотрела на него своими странными глазами.

Он уронил руку на колено.

– Например, вы, миссис Дьюз. Я бы предположил, что вашей валютой являются деньги на содержание приюта, но, может быть, я ошибаюсь. Может быть. Возможно, меня обманывает

ваш скромный вид. Ваша репутация безупречной вдовы. Возможно, вас легче убедить авторитетом, или знаниями, или даже наслаждениями плоти.

– Вы все еще не сказали, зачем я вам нужна.

Несмотря на то что она не двинулась с места и выражение ее лица ничуть не изменилось, в голосе слышалось раздражение. Он уловил его, потому что имел многолетний опыт охотника. Что же из предложенного им заинтересует ее?

– Будьте моим проводником... – Он опустил глаза, притворяясь, что рассматривает свои ногти. – Всего лишь. – Он наблюдал за ней из-под прикрытых век и видел, что она поджала губы.

– Где?

– В Сент-Джайлсе.

– Зачем вам нужен проводник?

Ах, в этом-то и была трудность.

– Я ищу... одного человека. Я хотел бы поговорить с некоторыми местными жителями, но в своих поисках я ограничен незнанием этого места и людей, а они не хотят разговаривать со мной. Отсюда и потребность в проводнике.

Слушая его, Темперанс прищурилась, постукивая пальцами по чашке.

– Кого же вы ищете?

Он медленно покачал головой:

– Никого, если вы не согласитесь сопровождать меня.

– И это все, что вам нужно? Проводник? Ничего больше?

Он кивнул, наблюдая за Темперанс.

Она отвернулась, чтобы посмотреть на огонь, словно советуясь с ним. Несколько минут спустя тишину нарушил стук упавшего куска угля. Лорд терпеливо ждал, поглаживая серебряный набалдашник своей трости.

Темперанс посмотрела прямо ему в лицо.

– Вы правы. Ваши деньги не соблазняют меня. Это временная мера, которая лишь задержит наше неизбежное выселение.

Он склонил голову набок, Темперанс старательно облизнула свои соблазнительные губы, без сомнения, собираясь возразить. Он чувствовал удары пульса под кожей.

– Так чего вы хотите, миссис Дьюз?

Она спокойно, почти с вызовом встретила его взгляд:

– Я хочу, чтобы вы познакомили меня с богатыми и знатными жителями Лондона. Я хочу, чтобы вы помогли мне найти нового попечителя для нашего детского приюта.

Лазарус без труда сдерживал улыбку торжества: итак, строгая вдова без оглядки бросается ему в лапы.

– Решено.

Глава 2

Так вот, король Ледяное Сердце был очень гордым человеком.

Ибо, рожденный в маленьком и незначительном королевстве, он благодаря своей смелости, коварству и решительности побеждал более крупные соседние государства, пока не стал правителем огромного и сильного королевства. На севере находились горы, богатые минералами и драгоценными камнями. На востоке раскинулись поля золотистой пшеницы и пасся упитанный скот. На юге росли высокие леса. А на западе лежал океан с массой серебряных рыб. Можно было выйти из столицы и идти целый месяц в любом направлении, не покидая земли, принадлежащей королю Ледяное Сердце...

«Король Ледяное Сердце»

У Темперанс перехватило дыхание, неожиданно она почувствовала себя так, как будто за ней захлопнулась ловушка. Однако Темперанс не выдала своих колебаний. Лорд Кэр производил на нее впечатление хищника, и неразумно было бы проявлять страх в его присутствии. Она наклонилась и осторожно налила себе еще чашку чая. С некоторой гордостью Темперанс заметила, что руки у нее не трясутся.

Отхлебнув чаю, она взглянула на него, на это экзотическое существо, сидевшее в ее жалкой маленькой гостиной, и расправила плечи.

– Давайте обсудим детали нашего соглашения, милорд.

Его чувственные губы дрогнули, как будто он находил Темперанс забавной.

– Какие же, миссис Дьюз?

Она сглотнула. Естественно, ей никогда в жизни не приходилось заключать соглашения подобного рода, но она постоянно торговалась с мясником, торговцем рыбой и прочими купцами, с которыми сталкивалась, ведя хозяйство приюта. Темперанс поставила чашку.

– Мне потребуются деньги на текущие расходы.

– Текущие расходы? – Кэр поднял черные брови.

Темперанс почувствовала, что ведет себя нагло, требуя денег, ведь они уже договорились, что он выполнит свою часть обязательств, познакомяв ее с будущими покровителями приюта. Но истина заключалась в том, что для приюта необходимы деньги. Совершенно необходимы.

– Да, – сказала Темперанс, задрав подбородок. – Как вы сами заметили, мы задолжали арендную плату. Кроме того, несколько дней дети плохо питались. Мне необходимы деньги, чтобы купить немного мяса. Овощей. Хлеба, чая и молока. Я уже не говорю, что оба – и Джозеф Тинбокс и Джозеф Смит – нуждаются в новых башмаках...

– Джозеф Тинбокс?

– А большинству младших Мэри нужны новые рубашки, – поспешила закончить Темперанс.

Некоторое время лорд Кэр не спускал с нее своих таинственных сапфировых глаз. Затем шевельнулся.

– А сколько детей у вас в этом приюте?

– Двадцать семь, – мгновенно ответила Темперанс, затем вспомнила ночное приключение. – Прошу прощения. Двадцать восемь, считая Мэри Хоуп, ребенка, которого принесли сегодня ночью. И еще у нас есть пара младенцев, которые сейчас не в приюте, а у кормилиц. Когда их отнимут от груди, они тоже будут на нашем содержании здесь.

И конечно, здесь живу я с моим братом Уинтером и нашей служанкой Нелл Джонс.

– Всего лишь трое взрослых на такое количество детей?

– Да, – взволнованно наклонилась она к нему. – Вы понимаете, почему нам нужен попечитель? Если бы у нас было достаточно денег, мы могли бы нанять еще одну служанку или двух и, возможно, повара и слугу-мужчину. Мы могли бы давать детям мясо и на второй завтрак, и на обед, а все мальчики могли бы иметь приличные башмаки. Мы могли бы оплатить хорошее обучение и при выходе ребенка из приюта давать ему новую одежду и башмаки. Дети были бы лучше подготовлены к встрече с окружающим миром.

Он приподнял бровь.

– Если вы захотите пересмотреть мое участие в этой сделке, то я имею средства и могу содержать приют.

Темперанс поджала губы. Она не знала этого человека, не знала, как он отнесется к обязанностям покровителя. Может, через месяц или два он бросит их?

И было еще одно очень важное условие.

– У приюта должен быть всеми уважаемый покровитель.

– А, понимаю.

Она ожидала, что он оскорбится, но он только чуть насмешливо улыбнулся.

– Очень хорошо, я дам вам деньги, необходимые на оплату ренты, и еще сумму, достаточную для различных расходов на детей. В обмен, однако, я ожидаю, что вы проводите меня в Сент-Джайлс завтра вечером.

– Так скоро?

– И, – тихо, но угрожающе сказал он, – я рассчитываю, что вы будете служить мне до тех пор, пока я не перестану нуждаться в ваших услугах.

Темперанс вздохнула, почувствовав усталость. Конечно, разве не было страшной глупостью связывать себя с незнакомым человеком на неопределенно долгое время?

– Как вы думаете, сколько времени займут ваши поиски?

– Не знаю.

– Но хотя бы приблизительно? Если вы не найдете то, что ищете, скажем, в течение месяца, вы не откажетесь от поисков?

Он только взглянул на нее с чуть заметной улыбкой на губах, и у Темперанс снова мелькнула тревожная мысль – она не знает этого человека. Она вообще ничего о нем не знала, если не считать мрачных предупреждений Нелл. На мгновение Темперанс почувствовала, как по спине пробежал крохотный паучок страха.

Она выпрямилась. Они заключили сделку, и она не унижит себя, изменив ее условия. Приют и все дети зависят от нее.

– Очень хорошо, – медленно произнесла Темперанс. – Я буду помогать вам неопределенный период времени. Но меня нужно предупреждать заранее, когда вы пожелаете отправиться в Сент-Джайлс. У меня в приюте есть обязанности, и мне потребуется найти кого-то, кто бы подменил меня.

– Я занимаюсь поисками по ночам, – ответил лорд Кэр. – Если вам нужна замена, я вам ее найду.

– Очень любезно с вашей стороны, – заметила она, – но если мы должны выходить из дома по ночам, то дети в это время уже спят. Надеюсь, я не буду им нужна.

– Хорошо.

– Как скоро вы сможете познакомить меня с возможными попечителями приюта? – Ей по меньшей мере потребуются новое платье и туфли. Обычная черная одежда не годится для знакомства с богатыми членами высшего общества.

Он пожал плечами:

– Недели через две. Может быть, больше. Мне, возможно, придется выпрашивать приглашения на важнейшие вечера и приемы.

– Очень хорошо.

Две недели были небольшим сроком, ведь приют нуждался в немедленной помощи.

Кэр кивнул:

– Тогда, я думаю, наши переговоры окончены.

– Не совсем, – сказала Темперанс.

Он остановился, держа в руке треуголку.

– Вот как, миссис Дьюз? Вы же сами признали, что я великодушен. Что еще вам требуется?

Слабая улыбка исчезла с его лица, и вид был довольно угрожающим, но Темперанс смело посмотрела на гостя.

– Сведения.

Он лишь поднял бровь.

– Как зовут человека, которого вы ищете?

– Я не знаю.

Она нахмурилась.

– Вы знаете, как он выглядит и где он чаще всего появляется?

– Нет.

– Это мужчина или женщина?

Он улыбнулся, на его худых щеках появились глубокие складки.

– Понятия не имею.

Она раздраженно вздохнула.

– Как же в таком случае, полагаете, я найду для вас эту личность?

– Не знаю, – ответил он. – Я лишь ожидаю, что вы поможете мне в поисках. Я думаю, что в Сент-Джайлсе имеется несколько источников сплетен. Отведите меня к этим людям, и я сделаю все остальное.

– Договорились. – Она знала, кто мог оказаться источником сплетен. Темперанс встала и протянула руку: – Я принимаю ваши условия, лорд Кэр.

Наступил ужасный момент, когда он вытаращился на ее протянутую руку. Возможно, это было слишком по-мужски или просто глупо. Но он тоже встал, и в тесном пространстве маленькой комнатки Темперанс пришлось задрать голову, чтобы посмотреть ему в лицо. Неожиданно она почувствовала, насколько он больше ее.

С каким-то странным, застывшим выражением лица он взял ее руку, быстро пожал ее и, словно обжегшись о ладонь, отпустил.

Темперанс все еще была озадачена этим странным мгновением, когда он надел шляпу, накинул на плечи плащ и кивнул.

– Я буду ждать вас завтра вечером у дверей вашей кухни в девять часов. А пока доброй ночи, миссис Дьюз.

И Кэр ушел.

Темперанс растерянно посмотрела ему вслед и поспешила на кухню закрыть заднюю дверь на засов. Когда она вошла, с камина соскочил Сут.

– Эта дверь была заперта, – шепотом сообщила она кошке. – Как же он вошел?

Но кошка только зевнула и лениво потянулась.

Темперанс вздохнула и вернулась в гостиную забрать поднос. Войдя в комнату, она взглянула на кресло, в котором совсем недавно сидел лорд Кэр. Там на сиденье лежал небольшой кошелек. Темперанс схватила его и открыла. На ладонь высыпались золотые монеты, их было достаточно для того, чтобы заплатить мистеру Уэджу ренту.

Видимо, лорд Кэр выплатил аванс.

На следующий день ближе к вечеру, когда Лазарус вошел в кофейню Башема, там было страшно шумно. Он прошел мимо стола, за которым пожилые джентльмены в алонжевых пари-

ках горячо обсуждали газету, и пробрался в угол к сидевшему там в одиночестве джентльмену в седом парике. Джентльмен просматривал сквозь половинки линз своих очков какой-то памфлет.

– Вы испортите себе глаза, стараясь прочитать это дерьмо, Сент-Джон, – сказал Лазарус, усаживаясь напротив приятеля.

– Кэр, – тихо поздоровался с ним Годрик Сент-Джон. Он постучал пальцем по памфлету: – Тезисы, выдвигаемые этим автором, не такие уж невероятные.

– Вот как? Это меня радует. – Лазарус прищелкнул пальцами, подзывая одного из молодых людей, бегавших туда-сюда с кофейными подносами. – Один сюда.

Он снова повернулся к Сент-Джону и увидел, что тот рассматривает его поверх своих линз. Из-за строгого вида, седого парика, очков и простой одежды Сент-Джона иногда принимали за старика. В действительности они с Сент-Джоном были одного возраста – тридцать четыре года. При близком рассмотрении можно было заметить ясные серые глаза Сент-Джона. Его крепкие челюсти и темные брови. Только по-настоящему пронизательный взгляд мог разглядеть неизменную печаль, словно саваном окутавшую Сент-Джона.

– Я достал перевод, чтобы ты мог его посмотреть, – сказал Лазарус, доставая из кармана пачку бумаг и передавая ее Сент-Джону.

Тот посмотрел на бумаги.

– Катулл? Это разозлит Берджесса.

Лазарус фыркнул.

– Берджесс думает, что он великий знаток Катулла. Но он знает о римской поэзии столько же, сколько средних способностей курносый школьник.

– Да, естественно. – Сент-Джон поднял бровь, казалось, его немного забавляет этот разговор. – Но ты учинишь этим неприятный скандал.

– О, я на это надеюсь, – сказал Лазарус. – Можешь посмотреть это и сообщить мне свое мнение?

– Конечно.

За соседним столом раздался крик, и кружка с кофе полетела на пол.

Лазарус поднял голову.

– Они обсуждают политику или религию?

– Политику. – Сент-Джон равнодушно взглянул на споривших джентльменов. – В газетах сообщается, что Уэйкфилд призывает принять еще один билль о джине.

– Наверное, он узнал, что благосостояние слишком многих его пэров зависит от продажи джина.

Сент-Джон пожал плечами:

– У Уэйкфилда есть здравый аргумент. Когда так много бедняков слабеют от джина, это плохо отзывается на лондонской промышленности.

– Да, и нет сомнений, что жирный деревенский барон, перед которым встанет выбор: или продать избытки зерна виноделу, или оставить его гнить, поставит здоровье Лондона выше денег в своем кармане. Уэйкфилд дурак.

– Он идеалист.

– И дурак, – сказал Лазарус. – Но его идеалы не дают ему ничего, кроме врагов. С большим успехом он мог бы разбить голову о каменную стену, чем попытаться протолкнуть дельный билль о джине.

– Ты хочешь, чтобы мы отстранились и пусть Лондон горит синим пламенем? – спросил Сент-Джон.

Лазарус махнул рукой:

– Ты спрашиваешь, как будто есть другой выход. Уэйкфилд и ему подобные верят, что могут изменить курс нашего плавания, но они заблуждаются. Слушай меня внимательно: у сви-

ней вырастут покрытые перьями крылья и они будут летать над Вестминстером, прежде чем джин исчезнет из лондонской свалки.

– Как всегда, глубина твоего цинизма потрясает.

Мальчик поставил перед Лазарусом кружку с кофе.

– Спасибо, постреленок.

Лазарус бросил ему пенни, и мальчик, ловко поймав его, побежал к стойке, за которой варился кофе. Лазарус отхлебнул горячего напитка и, опустив кружку, увидел, что Сент-Джон рассматривает его так, как через лупу рассматривают насекомое.

– Ты смотришь на меня, как будто мое лицо изъедено оспой, – сказал Лазарус.

– Когда-нибудь, не сомневаюсь, так и будет, – ответил Сент-Джон. – Ты довольно часто спишь со шлюхами.

– У меня есть потребности...

– У тебя есть похоть, – тихо перебил его Сент-Джон, – и ты не пытаешься сдерживать себя.

– А зачем это мне? – спросил Лазарус. – Разве волк подавляет радость, когда настигает свою добычу? А разве ястреб не хочет взлететь, а затем опуститься и схватить зайца когтями? Такова их натура, и мои... потребности... являются моими потребностями.

– Волк и ястреб не имеют ни совести, ни души.

– Я очень хорошо оплачиваю время женщинам, услугами которых я пользуюсь. Мои потребности никому не приносят вреда.

– В самом деле? – осторожно спросил Сент-Джон. – А не вредят ли они тебе, Кэр?

Лазарус скривился.

– Это старый аргумент, и пока он еще никого из нас не убедил.

Он постукивал пальцами по потертому столу. Будь он проклят, если прислушается к опасениям Сент-Джона. Его потребности были необычными – странными даже, но отнюдь не безумными.

Конечно, Сент-Джону ничего не стоило вмешаться в дело, когда его вмешательство там не требовалось.

Он покачал головой и откинулся на спинку стула.

– Прошлой ночью тебя не было дома.

– Господи! Ты уже стал предсказателем? Или прошлой ночью ты бродил около моего дома?

– Ни то ни другое. – Сент-Джон спокойно посадил очки на лоб. – У тебя такой же вид, как и тогда, когда я видел тебя последний раз, несколько...

– Усталый?

– Я хотел сказать, отчаявшийся.

Лазарус отхлебнул горячего кофе с неприятным сознанием, что впустую тратит время:

– Я и не знал, что ты имеешь такую склонность к драматизму. Отчаяние – это сильное преувеличение.

– Я так не думаю. – Сент-Джон рассеянно смотрел в свою кружку. – Ты стал таким после смерти Мари. Ты отрицаешь, что прошлой ночью снова искал ее убийцу?

– Нет. – Лазарус из-под полуопущенных век посмотрел на старого друга. – Ну и что?

– Ты одержимый, друг мой, – спокойно сказал Сент-Джон, что придавало этим словам особую силу. – Уже прошло два месяца, как она умерла, а ты каждую ночь отправляешься на поиски ее убийцы. Скажи мне, Лазарус, когда ты прекратишь свою охоту?

– А ты отказался бы, если бы была убита Клара? – нанес Лазарус ответный удар.

Только забившаяся на скуле Сент-Джона жилка выдавала всю глубину раны, нанесенной этой стрелой.

– Никогда. Но это разные случаи.

– Почему? Не потому ли, что ты женат на Кларе, а Мари была всего лишь моей любовницей?

– Нет, – мягко возразил Сент-Джон, – потому что я люблю Клару.

Лазарус отвел глаза. Как бы ни хотелось не соглашаться с этим различием, он не мог его отрицать. Ибо Сент-Джон прав, он искренне любит свою Клару.

Тогда как Лазарус никогда и никого не любил.

– Не нравится мне это, мэм. Совсем не нравится, – говорила этой ночью в кухне приюта Нелл.

– Ты очень убедительно выражаешь свое неодобрение, – проворчала Темперанс, завязывая под подбородком ленты накидки.

Нелл не отступала.

– А что, если он задумал покуситься на вашу добродетель? Что, если он соблазнит и бросит вас? Или, хуже того, продаст вас в публичный дом? О, мэм! С вами могут случиться ужасные вещи!

Темперанс подавила дрожь, вызванную мыслями о том, какие «ужасные вещи» будет проделывать с ней лорд Кэр. Это должна была быть дрожь отвращения, а вместо этого мысль о сексуальных склонностях лорда Кэра пробуждала в Темперанс неестественное любопытство. Эта часть ее женской природы проявилась, высунув нос, как никогда готовая идти, куда ее поведут. Этого Темперанс не могла допустить. Однажды, очень давно, она дала волю своей истинной натуре и совершила непростительный грех. С тех пор она каждый день жила с сознанием того, что должна искупить этот поступок и никогда больше не отдаваться во власть демонов.

Темперанс набросила на голову капюшон.

– Я очень сомневаюсь, что настолько интересую лорда Кэра, и, кроме того, я взяла с собой пистолет.

Нелл горестно вздохнула.

– Он не такой, как другие джентльмены, мэм.

Темперанс взвесила на руке мягкий мешочек, в котором был спрятан пистолет.

– Ты уже и раньше делала такие туманные намеки. Так расскажи сейчас, чем же лорд Кэр отличается от других мужчин.

Нелл прикусила губу, переминаясь с ноги на ногу, наконец она закрыла глаза и выпалила:

– Своим распутством.

Темперанс подождала, но дальнейших объяснений от служанки не последовало.

– Приюту грозит закрытие, и я не могу отказаться от помощи только из-за того, что лорд Кэр распутник.

Нелл в ужасе вытаращила глаза.

– Но, мэм...

Темперанс открыла входную дверь.

– И не забудь: если Уинтер спросит, я рано легла спать.

– Будьте осторожны, мэм! – крикнула Нелл, когда хозяйка закрывала за собой дверь.

Из-за угла налетел порыв ветра. Темперанс вздрогнула и, плотнее завернувшись в накидку, собралась повернуть в переулок. Но тут широкая мужская грудь преградила ей дорогу.

– Ой!

– Добрый вечер, миссис Дьюз, – раздался, как всегда зловеющий, голос лорда Кэра. Ветер кружил у его ног полы плаща.

– Пожалуйста, не надо, – слишком резко сказала Темперанс.

Но Кэр лишь посмотрел на нее с веселым любопытством.

– Чего не надо?

– Выскакивать передо мной как грабитель. – Она сердито взглянула на него и заметила, как у лорда дрогнули губы. Ее охватило невероятное желание ответить улыбкой, но Темперанс безжалостно подавила его. Сегодня седые волосы Кэра были заплетены в косичку и заправлены под черную треуголку. Дрожь пробегала по телу Темперанс, и она не могла избавиться от размышлений, чем именно лорд Кэр отличается в постели от других мужчин.

Но он отвернулся и широким шагом пошел по переулку.

– Уверяю вас, мэм, я не грабитель. – Кэр оглянулся, она увидела, как блеснули его синие глаза, и поспешила догнать его. – Если бы я был грабителем, вас бы уже не было в живых.

– Вы не слишком вежливы, – проворчала Темперанс.

Он неожиданно остановился, и она чуть не натолкнулась на него.

– Однако вы здесь, не так ли?

Будь он проклят!

– Да, я здесь.

Он с преувеличенным почтением поклонился, отведя в сторону руку с тростью, и полы черного плаща коснулись грязной земли.

– Так ведите меня, прекрасная леди.

Темперанс посмотрела вперед и маленькими шажками пошла по переулку, чувствуя совсем близко за спиной его присутствие, его большую мрачную фигуру.

– Куда вы отведете меня сегодня?

Ей это представилось, или она действительно почувствовала его горячее дыхание на своем затылке?

– Довольно трудно выбрать, поскольку вы отказались сообщить мне что-либо о человеке, которого ищете.

Она ожидала объяснений, но он ничего не сказал.

Темперанс вздохнула.

– Вы только сообщили, что кого-то ищете, а это, должна вам сказать, милорд, несколько не помогает в поисках.

– И все же я чувствую, что вы ведете меня в определенное место, – тихо возразил лорд Кэр.

– Веду. – Они дошли до конца переулка, и она поднырнула под полуразрушенную арку и вывела Кэра в еще более узкий переулок.

– И это здесь? – с легкой насмешкой в голосе спросил лорд Кэр.

– Прямо здесь, – с некоторым удовлетворением сказала Темперанс. Она и в самом деле была довольна собой.

Они остановились перед зданием, в котором не было ни одного окна. Только качавшаяся над дверью деревянная вывеска с нарисованной на ней свечой указывала, что это лавочка бакалейщика. Темперанс открыла дверь. Помещение было совсем маленьким. Вдоль одной стены протянулся прилавок. Свечи, чай, оловянные кружки, соль и мука, веревки, сало, несколько ножей, рваный веер, несколько новых метелок, пуговицы, сливовый пирог и, конечно, джин. В дальнем конце прилавка, прижавшись друг к другу, над своими чашками сидели две женщины. А за прилавком стоял мистер Хоппер, маленький смуглый человечек, который вырос как раз до такого размера, который позволил ему поместиться в этой лавочке.

Конечно, продавать джин, не имея разрешения, было нарушением закона, но разрешение стоило невероятно дорого, и не многие могли позволить себе приобрести его. Судьи имели платных доносчиков, которые помогали привлекать торговцев к суду, но ни один доносчик не осмеливался появиться в Сент-Джайлсе. Последний раз на такого напала толпа, протащила по улицам, безжалостно избила и бросила беднягу умирать от увечий.

– Чем могу услужить вам сегодня, миссис Дьюз? – спросил мистер Хоппер.

– Добрый вечер, мистер Хоппер, – ответила Темперанс. – Мой друг ищет кого-то, и я подумала, не можете ли вы ему помочь?

Мистер Хоппер подозрительно покосился на лорда Кэра, но довольно доброжелательно сказал:

– Может, и помогу. А кого вы ищете?

– Убийцу, – ответил лорд Кэр, и все головы в лавке повернулись в его сторону.

У Темперанс перехватило дыхание. «Убийцу».

Люди, пившие джин, выскользнули из лавочки.

– Около двух месяцев назад в Сент-Джайлсе в своей комнате была убита женщина, – нисколько не смутившись, продолжал лорд Кэр. – Ее звали Мари Хьюм. Вы что-нибудь знаете о ней?

Но мистер Хоппер уже отрицательно качал головой.

– Никогда не имел никакого отношения к убийствам. И буду благодарен вам, миссис Дьюз, если вы уведете отсюда этого джентльмена.

Темперанс, прикусив губу, взглянула на лорда Кэра.

Казалось, это не остановило его.

– Одну минуту, пожалуйста, – попросил он хозяина лавки.

Мистер Хоппер неохотно повернулся к нему.

Лорд Кэр улыбнулся:

– А можно мне взять этот пирог?

Лавочник что-то проворчал, протянул ему сливовый пирог и, получив за него два пенса, демонстративно повернулся к лорду Кэру спиной.

Темперанс с раздражением вздохнула. Похоже, придется искать для лорда Кэра другого сплетника.

– Могли бы предупредить меня, – проворчала она, когда они вышли из лавки. Порыв ветра подхватил эти слова и бросил их Темперанс в лицо, она вздрогнула, и ей так захотелось оказаться у своего уютного камина.

Лорд Кэр, похоже, не чувствовал холода.

– А что бы это изменило?

– Ну, прежде всего я не обратилась бы к мистеру Хопперу.

Она торопливо перешла улицу, стараясь не ступить в грязную канаву.

Он быстро догнал ее.

– Почему же?

– Потому что мистер Хоппер – заслуживающий уважения джентльмен, а ваши расспросы не были уважительными, – с раздражением объяснила Темперанс. – И вообще, зачем надо было покупать этот пирог?

Он пожал плечами.

– Я голоден. – Он откусил от пирога.

Темперанс смотрела, как он слизывает со своих губ алый сироп, и глотала слюну. Пирог выглядел удивительно аппетитно.

– Не хотите кусочек? – спросил Кэр своим бархатным, звучным голосом.

Темперанс решительно покачала головой:

– Нет. Я не голодна.

Он наклонил набок голову, дожевывая еще один кусок.

– Вы лжете. Почему?

– Не говорите глупостей, – резко сказала Темперанс и двинулась дальше.

Кэр встал перед ней, вынуждая резко остановиться или столкнуться с ним.

– Это всего лишь сливовый пирог, миссис Дьюз, а не богатство, не выпивка и не какой-нибудь тяжкий грех. Чем он навредит? Попробуйте кусочек.

Он отломил кусок и поднес к ее губам. Она почувствовала запах сладких фруктов, почти ощутила мягкость теста и, сама не зная как, открыла рот. Кэр положил ей в рот кусочек, и она почувствовала на языке сливовый сироп. Сладкий сахарный сироп, такой восхитительно пикантный в темноте улиц Сент-Джайлса.

– Вот, – шепнул Кэр. – Вкусно, не правда ли?

Она поспешила открыть глаза – когда же она их закрыла? – и почти с ужасом посмотрела на него. Он насмешливо скривил губы.

– Куда мы теперь, миссис Дьюз? Или мистер Хоппер и его лавчонка были вашим единственным источником?

Темперанс гордо подняла голову:

– Нет. У меня есть другая идея.

Она быстрым шагом двинулась вперед. На ее языке еще чувствовался вкус сладкой сливы. Это была самая опасная часть Сент-Джайлса, и Темперанс никогда бы не решилась пойти туда даже днем, не говоря уже о ночи, если бы не присутствие этого большого человека, который шел позади.

Минут двадцать спустя Темперанс остановилась перед перекошенной дверью и двумя ведущими вниз ступеньками.

Лорд Кэр с интересом посмотрел на дверь:

– Что это за место?

– Здесь живет Мать-утешительница сердец, – ответила Темперанс, и в ту же минуту перекошенная дверь распахнулась.

– Вон отсюда! – закричала высокая изможденная женщина. На ней был старый красный армейский мундир, прикрывавший кожаный корсет, почти черный от грязи. Нижняя юбка из грубой шерстяной материи в черно-красную клетку была заляпана грязью. За спиной хозяйки тускло светились огоньки, создавая впечатление, что она стоит у входа в ад. – Нет монеты, нет выпивки. И убирайся из моего дома!

Жертвой ее гнева была худая женщина, которую можно было бы назвать хорошенькой, если бы не почерневшие зубы и не открытая рана на щеке.

Жалкое существо, съевшись, выставило вперед руки, как будто хотело защититься от ожидаемого удара.

– Я принесу вам завтра пенни и еще полпенни. Только дайте мне джина.

– Иди и зарабатывай свои пенни, – сказала Мать-утешительница сердец и вытолкнула несчастную женщину в переулок. Затем повернулась и уперлась в бедра большими красными кулаками, жадным взглядом меряя лорда Кэра. – Ну а что вы здесь делаете, миссис Дьюз? Здесь уже не ваш Сент-Джайлс.

– Я не знала, что Сент-Джайлс поделен на участки, – сдержанно ответила Темперанс.

Мать-утешительница бросила на нее острый взгляд.

– Неужто не знали?

Темперанс откашлялась.

– Мой друг хотел бы задать вам несколько вопросов.

Мать-утешительница улыбнулась лорду Кэру, показывая отсутствие передних зубов.

– Тогда не лучше бы вам войти?

Она больше не смотрела на Темперанс. Жадность заставляла ее сосредоточить внимание на лорде Кэре. Но он отступил в сторону, пропуская вперед Темперанс. Она вошла и спустилась по деревянным ступеням, ведущим в подвал.

Первая комната была низкой, длинной и темной, освещенной только огнем камина в конце комнаты. Над головой нависали почерневшие от копоти балки. Покореженная доска, положенная на пару бочонков, служила прилавком. За ним стояла одноглазая девица. Здесь Мать-утешительница продавала свой фирменный товар: джин, полтора пенни за кружку. За

столом в углу над чем-то смеялись пьяным смехом десятка два солдат в высоких шапках. Неподалеку от них сидели, сгорбившись, двое оборванцев, как будто пытались стать невидимыми. У одного на лице вместо носа была треугольная кожаная заплатка. Напротив завязалась ссора между тремя матросами, игравшими в карты, а сидевший в одиночестве мужчина в парике невозмутимо курил. У стены на голом грязном полу сидели мужчина и женщина, грея в руках маленькие оловянные кружки.

– Так чем я могу помочь такому прекрасному джентльмену, как вы? – Перекрикивая шум, поднятый ссорившимися матросами, спросила Мать-утешительница и многозначительно потерла руки.

Лорд Кэр достал кошелек и раскрыл его. Улыбаясь, он извлек из него монету в полкроны и положил ее на ладонь хозяйки.

– Меня интересует убийство женщины, произошедшее в Сент-Джайлсе. Ее звали Мари Хьюм.

Улыбка исчезла с лица Матери-утешительницы, она, задумавшись, поджала губы.

– Такого рода сведения будут стоить дороже, милорд.

Знала ли она лорда Кэра, или ее привлекала возможность пополучить деньги?

Лорд Кэр поднял брови, услышав такое требование, но молча достал из кошелька еще одну такую же монету. Он бросил ее Матери-утешительнице.

– Садитесь, милорд. – Мать-утешительница указала на свободный расшатанный деревянный стул. – Так вы говорите об убитой женщине?

Лорд Кэр проигнорировал этот жест гостеприимства.

– Ей было около тридцати лет, блондинка, красивое лицо, хорошая фигура, но у нее было родимое пятно, красное, размером с пенни, вот здесь. – Он дотронулся до уголка своего правого глаза. – Вы знали ее?

– Ну, теперь вокруг развелось много хороших девчонок, а родимое пятно можно скрыть, – сказала хозяйка. – Что вы еще можете о ней добавить?

– Ее выпотрошили.

Темперанс неслышно ахнула, вспомнив все предупреждения Нелл. Господи помилуй.

Даже Мать-утешительница заморгала, услышав эти жестокие слова.

– Выпотрошили, как поросенка, – пробормотала она. – Эту я помню. Модница была. Ее нашли в пустой комнатухе в доме на Таннес-Корт, мухи жужжали над ее черной, свернувшейся кровью.

Если Мать-утешительница намеревалась такими словами отпугнуть лорда Кэра, ей это не удалось. Его лицо по-прежнему выражало почти веселое любопытство.

– Да, это она.

Мать-утешительница покачала головой, выражая притворное сожаление.

– В этом я не могу вам помочь, милорд. Я не знала эту девушку.

Лорд Кэр протянул руку:

– Верните мои деньги.

– Не спешите, милорд, – торопливо сказала хозяйка. – Я ничего не знаю об убийстве, но я знаю того, кто может знать.

Лорд остановился, слегка прищурился, как будто увидел добычу.

– Кто это?

– Марта Суон, – улыбнулась кривой, злобной улыбкой Мать-утешительница и добавила: – Последняя женщина, которая видела ее живой.

Ветер ударил в лицо Темперанс, когда она вылезала из подвала Матери-утешительницы. Лорд Кэр в мрачном молчании поднимался следом за ней. Кем была убитая женщина? И

почему он расспрашивает о ее убийстве? Темперанс содрогнулась, вспомнив, как он сказал: «выпотрошенная». Господи, во что же она ввязалась?

– Вы необычно молчаливы, миссис Дьюз, – заметил лорд Кэр своим бархатным голосом.

– Откуда вы знаете, что для меня обычно, милорд? – спросила она. – Вы меня почти не знаете.

Он усмехнулся:

– И все же я чувствую, что вы словоохотливы в обществе тех, кто вам приятен.

Она остановилась, скрестив на груди руки, чтобы не замерзнуть, и, возможно, для того, чтобы успокоиться.

– Какую игру вы затеяли со мной?

Он тоже остановился. Волосы, забранные в косичку, распустились, и длинные серебряные пряди ветер бросал ему в лицо.

– Игру, миссис Дьюз?

– Да, игру. – Она сердито смотрела на Кэра, не позволяя себе бояться его. – Вы говорите мне, что ищите кого-то в Сент-Джайлсе, но когда я привожу вас в лавочку мистера Хоппера, вы расспрашиваете об убитой женщине, а теперь у Матери-утешительницы расспрашиваете о выпотрошенной женщине.

Он пожал широкими плечами:

– Я не солгал вам. Я действительно ищу, ищу ее убийцу.

Темперанс дрожала от ледяных капель, которые ветер бросал на ее замерзшие щеки. Она хотела бы посмотреть Кэру в глаза, но их прикрывали поля его шляпы.

– Кем она была для вас?

Его чувственные губы дрогнули, готовые улыбнуться. Но он не ответил.

– Почему я? – тихо спросила Темперанс, слишком поздно задавая вопрос, который следовало бы задать накануне. – Как вы нашли меня? Почему выбрали меня?

– Я видел вас, – медленно произнес он, – когда вел поиски в Сент-Джайлсе. Вы всегда куда-то спешили, всегда были одеты в черное, всегда выглядели такой... решительной. Увидев вас вчера, я пошел следом за вами до вашего дома.

Она удивилась:

– Вот как? Вы выбрали меня под влиянием минуты?

– Я отличаюсь своими прихотями. Вы замерзли, миссис Дьюз. Пойдемте.

И он уверенно пошел вперед.

– Куда мы идем? – окликнула она его. – Разве вы не хотите найти Марту Суон?

Он остановился и обернулся.

– Мать-утешительница сказала, что она часто бывает на Хэнгманс-элли. Вы знаете, где это?

– Да, в полумиле отсюда или еще дальше. – Она махнула рукой назад.

Он кивнул.

– Значит, мы отложим госпожу Суон до следующего вечера. Уже поздно, вам пора домой. Не ожидая ответа, он пошел дальше.

Темперанс не отставала от него, как послушная собака. Он мог бы ответить на ее вопросы, но при этом, вероятно, на их месте возникли бы новые. В Сент-Джайлсе сотни женщин. Безусловно, многие были проститутками или занимались какой-то другой незаконной деятельностью. Если бы он захотел, то мог бы найти десятки женщин, охотно показавших бы ему здешние места. Почему он выбрал ее? Темперанс задумалась, стараясь не отставать от него. Он чужой человек с темными секретами, но когда он шагал рядом с ней, она все равно чувствовала себя спокойнее в этих переулках.

– Не знаю, можем ли мы доверять Матери-утешительнице, – сказала она, глотая холодный воздух.

– Вы сомневаетесь в существовании некоей Марты Суон?
– О, она, вероятно, существует, – ответила Темперанс. – Но знает ли она что-либо нужное?

– А откуда вы знаете Мать-утешительницу?

– Ее знают все. Джин – это дьявол Сент-Джайлса.

Он оглянулся.

– В самом деле?

– Его пьют и молодые, и старые. Для некоторых это единственная пища. – Темперанс заколебалась. – Но я ее знаю не только поэтому.

– Расскажите.

Она подняла руку и поглубже надвинула на лицо капюшон.

– Девять лет назад, когда я впервые пришла в детский приют, Мать-утешительница обратилась к нам. У нее была маленькая девочка лет трех. Не знаю, откуда появилась эта девочка, но совершенно точно, это был не ее ребенок.

– И?

– Она предложила продать нам малышку. – Темперанс замолчала, ее голос начал дрожать, но не от страха или горя, а от гнева. Она помнила свой гнев, свое презрение к Матери-утешительнице за ее расчетливый цинизм.

– Что произошло? – очень тихо спросил лорд Кэр, но Темперанс ясно расслышала его голос, проникавший в самую душу.

– Уинтер и отец не хотели покупать ребенка. Они сказали, что это послужит поощрением, и Мать-утешительница будет и дальше продавать осиротевших детей.

– А вы?

Темперанс перевела дыхание.

– Мне было противно платить ей, но она ясно дала понять, что, если мы не заплатим требуемую сумму, она найдет другого покупателя, который не станет заботиться о благополучии ребенка.

– Содержателя публичного дома.

Она бросила на него быстрый взгляд, но выражение его лица было холодно и отчужденно. Они свернули на улочку пошире, и Темперанс смогла идти рядом с ним. Они шли не той дорогой, которой она привела лорда Кэра в подвал Матери-утешительницы. И Темперанс подумала, не заблудился ли он.

Она снова посмотрела вперед.

– Да. Сутенера, хотя Мать-утешительница избегала этого слова. Она просто намекала, пугая нас. – Темперанс опустила голову, вспоминая эти отвратительные переговоры. В то время она была еще наивна. Она не имела представления, какой черной может быть душа женщины.

Темперанс почти не замечала, куда ступают ее ноги. Она обо что-то споткнулась и взмахнула руками, стараясь сохранить равновесие. И тогда он подхватил ее, его руки до боли сжали ее локти. Она подняла глаза, он стоял со сверкающими, как у демона, синими глазами. Он прижал ее к себе, почти обнимая. Как друг. Как возлюбленный.

Все самые грешные желания рвались на свободу.

Его дыхание касалось ее губ, и он шептал:

– Так вы купили этого ребенка?

– Да! – рассердилась она на этого бесчувственного аристократа. Почему он захотел услышать эту историю? Почему так настойчиво тревожил старые раны? Зачем он ищет убийцу погибшей женщины? – Да, я заплатила требуемую цену. Я продала единственную свою драгоценность – золотой крест, который когда-то подарил мне муж, и купила ребенка. Я назвала ее Мэри Уитсон, в честь Духова дня, когда я впервые взяла ее на руки.

Он склонил набок голову, в его синих глазах был вопрос.

Она разрыдалась, ярость и горечь закипали в том месте, где Темперанс старательно прятала все свои чувства, которые не могла себе позволить. Она дрожала, пытаясь подавить их. Поймать и спрятать.

Он тряхнул ее, как будто хотел вытряхнуть ответ, которого ожидал.

– Уинтер оказался прав, – сказала она. – Девочка была спасена, но спустя пару месяцев Мать-утешительница снова пришла к нам с другим ребенком, на этот раз мальчиком. И цена была вдвое выше, чем за ту девочку.

– Что же вы сделали?

– Ничего. – Она печально закрыла глаза. – Мы... я... ничего не могла сделать. Я просила, падала на колени и умоляла эту ведьму, а она продала его.

Она сжала в кулаках край его плаща и трясла их, как бы внушая Кэру весь ужас этих воспоминаний.

– Она продала такого милого мальчика, а я ничего не смогла сделать, чтобы спасти его.

Она плакала, вымещая на нем свой гнев, и неожиданно он наклонился и прижался к ее губам, крепко, безжалостно. Она чуть не задохнулась от неожиданности, а он целовал ее мягкие губы. Она чувствовала его зубы, ощущала вкус его языка и ту часть себя самой, ту проклятую, грешную, несправедливую часть, вырвавшуюся на свободу и сбежавшую от ее власти. Испытывая наслаждение от его первобытной грубости. Восторженно купаясь в его откровенной сексуальности. Совершенно потеряв над собой контроль. Пока он не поднял голову и не посмотрел на нее.

Темперанс попыталась вырваться из его рук, но он крепко держал ее.

– Какое же вы страстное создание, – заметил он, глядя на нее из-под полуопущенных век. – Такое эмоциональное.

– Нет, – прошептала она, в ужасе от одной только мысли.

– Вы лжете. Интересно, почему? – Он с веселой усмешкой поднял бровь и так неожиданно отпустил Темперанс, что она снова споткнулась. – Она была моей любовницей.

– Кто?

– Та убитая женщина, та, которую выпотрошили, как поросенка у мясника. Она три года была моей любовницей.

Темперанс, потрясенная, молча смотрела на него.

Он кивнул:

– До завтрашнего вечера, миссис Дьюз.

И ушел, исчезнув в ночной тьме.

Темперанс в растерянности огляделась и шагах в двадцати от себя увидела дверь детского приюта.

Лорд Кэр все-таки благополучно доставил ее домой.

Глава 3

Король Ледяное Сердце жил в великолепном замке, стоявшем на вершине холма. А еще в замке жили сотни стражников, целый сонм придворных и множество слуг и куртизанок. Они окружали короля днем и ночью, и ни один из них не был близок его сердцу. И только одно живое существо было дорого королю. Это была маленькая синяя птичка. Птичка жила в золотой, украшенной драгоценными камнями клетке, иногда она пела или чирикала. По вечерам король протягивал через решетку клетки орешки...
«Король Ледяное Сердце»

«Кажется, в Сент-Джайлс никогда не заглядывает солнце», – подумала следующим утром Сайленс Холлингбрук. Она подняла глаза и увидела среди вторых этажей, вывесок и крыш только кусочек голубого неба величиной с ладонь. Сент-Джайлс был перенаселен, дома здесь строились один над другим, комнаты делились и делились, пока людей набивалось в них как сельдей в бочке. Сайленс порадовалась, что ее собственные чистенькие комнаты находятся в Уэппинге. Сент-Джайлс был ужасным местом, и страшно было бы прожить в нем всю жизнь. Ей хотелось, чтобы ее старшие сестра и брат нашли другое место для приюта. Но приют основал их отец, и в Сент-Джайлсе жили самые бедные из бедных жителей Лондона.

Сайленс остановилась на потертых ступенях и громко постучала в тяжелую деревянную дверь. В приюте раньше был колокольчик, но в прошлое Рождество его украли. Уинтер все еще не удосужился повесить новый, и иногда Сайленс долго стучалась, дожидаясь, пока ее не услышат.

Но сегодня дверь открыли почти сразу.

Сайленс увидела перед собой чисто вымытые розовые щеки, черные, зачесанные назад волосы и пронизательные карие глаза.

– Доброе утро, Мэри Уитсон.

Мэри присела:

– Доброе утро, миссис Холлингбрук.

Сайленс вошла в узкий коридор и сняла шаль.

– Моя сестра здесь?

– Мэм на кухне, – сказала Мэри.

Сайленс улыбнулась:

– Я пойду к ней.

Мэри кивнула и с важным видом стала подниматься по лестнице, где ее ожидали прерванные дела.

Сайленс взяла корзину с плоским дном, которую принесла с собой, и направилась в кухню.

– Доброе утро, – поздоровалась она, войдя.

Темперанс отвернулась от огромного горшка, в котором что-то кипело.

– Доброе утро, сестра! Какой приятный сюрприз. Я не знала, что ты сегодня зайдешь.

– Я и не собиралась. – Сайленс чувствовала, что смущенно краснеет. Она больше недели не была в приюте. – Но сегодня утром на рынке я купила сушеных ягод и принесла их сюда.

– О, как хорошо ты придумала! Это понравится Мэри Уитсон, – сказала Темперанс. – Она так любит булочки с изюмом.

– Гм. – Сайленс поставила корзинку на старый кухонный стол. – Она, кажется, выросла еще на дюйм с тех пор, как я ее видела последний раз.

– И правда, выросла. – Темперанс вытерла передником пот с висков. – И очень похорошела, хотя об этом я ей не говорю. Не хочу, чтобы она кичилась этим.

Сайленс улыбнулась, открывая корзину:

– Ты как будто гордишься ею.

– Горжусь? – рассеянно переспросила Темперанс. Она снова занялась кипящим горшком.

– Да. – Сайленс, поколебавшись, нерешительно продолжала: – В ее возрасте уже идут в обучение, не так ли?

– Да. Даже немного младше, – вздохнула Темперанс. – Но она так помогает мне в приюте. Я даже не присматривала ей место.

Сайленс молча вынула содержимое корзины. Темперанс знала лучше ее, что слишком сильная привязанность к приютским детям не приведет ни к чему хорошему.

– У тебя здесь не только ягоды, – подойдя к столу, сказала Темперанс.

– Я принесла еще чулки, которые связала. – Сайленс смущенно показала свою работу – три пары маленьких чулочков. Правда, все они были разного размера, но все же одинаковой формы. Более или менее. – Я вязала пару для Уильяма, и осталось немного шерсти.

– О, надо же. Я совсем забыла, что скоро должен вернуться капитан Холлингбрук.

Сайленс ощутила тихую радость при упоминании мужа. Уильям ушел в плавание несколько месяцев назад, капитаном на «Финче», торговом судне, возвращавшимся из Вест-Индии.

Она наклонила голову, отвечая сестре:

– Он должен вернуться со дня на день. Я надеюсь, когда он вернется, вы с Уинтером придете к нам отпраздновать его возвращение.

Темперанс ответила не сразу, и Сайленс подняла на нее глаза. Ее сестра, задумавшись, смотрела на кучку брюквы на столе.

– Что случилось? – спросила Сайленс.

– А что? – Темперанс бросила на нее быстрый взгляд, и ее лицо просветлело. – Да ничего не случилось, дорогая. Ты же знаешь, что мы с Уинтером с удовольствием поужинаем с тобой и капитаном Холлингбруком. Просто сейчас у нас много дел в приюте... – Она умолкла, оглядывая большую кухню.

– Так, наверное, пора нанять кого-то в помощь? Нелл трудится усердно, но она всего лишь женщина.

Темперанс рассмеялась, но напряженно и коротко.

– Если бы у нас был богатый покровитель, мы бы так и сделали. А мы только сегодня смогли заплатить ренту за этот и прошлый месяцы. Если опять опоздаем с оплатой, мистер Уэдж может нас выгнать.

– Что? – Сайленс опустила на стул. – У меня остался почти фунт из моих карманных денег. Это не поможет?

Темперанс улыбнулась.

– Нет, дорогая. Помогло бы на очень короткое время, но я не хочу брать деньги у капитана Холлингбрука. Я знаю, как вы стараетесь экономить.

Сайленс слегка покраснела. Уильям был прекрасным мужем, но капитан торгового судна не мог накопить много, особенно если содержал жену, престарелую мать и незамужнюю сестру.

– А что же Конкорд?

Темперанс покачала головой:

– Уинтер говорит, что после смерти отца пивоварня приносит убытки. И кроме того, Конкорду надо содержать семью.

Сайленс тоже покачала головой. Она и понятия не имела о финансовых затруднениях Конкорда, но мужчины в их семье не всегда обсуждали свои дела с женщинами. Конкорд и его жена Роза имели пятерых восхитительных детей и ожидали следующего.

Она посмотрела на сестру:

– А Эйса?

Темперанс поморщилась.

– Ты же знаешь, что Эйса всегда с пренебрежением относился к приюту. Я думаю, Уинтеру неприятна сама мысль снова идти к нему с протянутой рукой.

Сайленс вытащила из кучки брюкву и взялась за нож, чтобы отрезать ботву.

– Уинтер совсем не гордый человек, насколько я знаю.

– Да, конечно, но даже самый скромный мужчина не лишен некоторой гордости. Кроме того, если бы даже Уинтер попросил Эйсу, то это не значит, что Эйса нам поможет.

Сайленс хотелось возразить, что Эйса, конечно, поможет, если сможет, но она не была в этом уверена. Эйса всегда держался в стороне от семьи, у него были свои тайны.

– Что же делать? – Сайленс начала резать брюкву на кусочки, совсем не похожие на кубики, она никогда не умела резать овощи.

Темперанс взяла другой нож, но остановилась в нерешительности.

– Что касается нашего положения, у меня уже есть план.

– Да?

– Только ты не должна говорить об этом нашим братьям.

Сайленс посмотрела на сестру:

– Какой?

– И Верити тоже не говори, – сказала Темперанс. Верити была самой старшей в семье Мейкпис.

Сайленс удивилась. Какой секрет хотела скрыть Темперанс не только от братьев, но и от сестры?

– Ладно.

Темперанс положила нож и, придвинувшись поближе, прошептала:

– Я познакомилась с одним человеком, который представит меня самым влиятельным и богатым людям в Лондоне. Я собираюсь найти для приюта нового попечителя.

– Кого же? – свела брови Сайленс.

Их семья жила скромно. Отец был пивоваром, а после его смерти Конкорд продолжал семейное дело. Отец глубоко верил в образование и постарался, чтобы все ее братья изучили религию, философию, греческий язык и латынь. Их можно было бы назвать интеллектуалами, но это не освобождало их от обязанности зарабатывать себе на жизнь. Люди, о которых говорила Темперанс, были совсем другого калибра.

– И кто же этот могущественный друг? – Сайленс заметила, что в этот момент в глазах сестры что-то промелькнуло. Темперанс была чудесным человеком, вероятно, поэтому и страшной лгуньей.

– Темперанс, скажи мне.

Сестра с вызовом вздернула подбородок.

– Его зовут лорд Кэр.

Сайленс нахмурилась.

– Аристократ? Как ты сумела найти аристократа?

– По правде говоря, это он нашел меня. – Темперанс сжала губы, не отрывая глаз от все растущей горки нарезанной брюквы. – Ты на самом деле любишь брюкву?

– Темперанс...

Темперанс воткнула кончик ножа в белый кубик и подняла его.

– Она, конечно, очень сытная, но ты слышала, чтобы кто-нибудь говорил: «Я очень люблю брюкву»?

Сайленс положила нож и ждала.

Крышка на кипящем горшке начала подскакивать, и нож в руках Темперанс еще с минуту стучал об стол, прежде чем она заговорила.

– Позапрошлой ночью он шел за мной до дома.

– Что? – ахнула Сайленс.

Но сестра заговорила очень быстро:

– Это звучит не очень хорошо. Но он совершенно безопасен, поверь мне, он только попросил меня проводить его к некоторым людям в Сент-Джайлсе. А я, в свою очередь, попросила его познакомить меня с богачами. И это очень удачный договор, правда?

Сайленс восприняла рассказ сестры скептически. Уж в слишком розовом свете выглядела картина, нарисованная Темперанс.

– И я полагаю, этот лорд Кэр – очень старый джентльмен, седовласый и с костлявыми коленями?

Темперанс поморщилась.

– Да, у него седые волосы.

– А колени?

– Надеюсь, ты не думаешь, что я разглядывала колени джентльмена?

– Темперанс...

– Ну ладно, он молод и довольно красив, – раздраженно сказала Темперанс и покраснела.

– Боже мой. – Сайленс с тревогой смотрела на сестру. Темперанс было двадцать восемь лет, но иногда она вела себя с беззаботностью глупой девчонки. – Подумай, почему лорд Кэр выбрал именно тебя?

– Не знаю, но...

– Ты должна рассказать Уинтеру. Все это дело, похоже, придумано, чтобы заманить тебя. Может быть, у лорда Кэра ужасные намерения по отношению к тебе? А что, если он заманит и соблазнит тебя?

Темперанс наморщила нос.

– Не думаю, что такое возможно.

Она широко развела руками, подчеркивая всю нелепость предположения, что аристократ захочет соблазнить ее. Сайленс была вынуждена признать, что с растрепанными волосами и сажей на носу Темперанс определенно не могла заинтересовать соблазнителя.

Но она ответила, чтобы не огорчать сестру:

– Ты достаточно хороша и знаешь это.

– Ничего подобного. – Темперанс опустила руки. – В нашей семье красавицей была ты. И если бы какой-то подлец лорд захотел бы совратить кого-то, то это была бы ты.

Сайленс сурово посмотрела на сестру:

– Ты пытаешься перевести разговор на другое.

Темперанс вздохнула и опустилась на стул.

– Только никому не говори, Сайленс. Пожалуйста, не говори. Я уже взяла у лорда деньги, чтобы заплатить ренту – вот таким образом мы выплатили долг.

– Но Уинтер наверняка в конце концов узнает об этом. Как ты ему объяснила оплату ренты?

– Я сказала ему, что продала кольцо, которое подарил мне Бенджамин.

– О, Темперанс! – Сайленс в ужасе зажала рукой рот. – Ты солгала Уинтеру?

Но Темперанс покачала головой:

– Это единственная надежда спасти наш приют. Подумай сама, что будет с Уинтером, если приют закроют.

Сайленс отвела глаза. Из всех братьев Уинтер больше всех был предан отцу и помогал ему в благотворительной деятельности. Если приют прекратит свое существование, это будет для Уинтера страшным ударом.

- Пожалуйста, Сайленс, – прошептала Темперанс. – Ради Уинтера.
- Хорошо, – кивнула Сайленс. – Я не скажу нашим братьям...
- О, спасибо тебе!
- Если только не почувствую, что ты в опасности.
- Этого не будет, могу тебе обещать.

Лазарус проснулся от беззвучного крика. Он распахнул глаза и некоторое время просто лежал, обводя взглядом комнату, стараясь вспомнить, где находится. Затем он узнал свою собственную спальню. Темно-коричневые стены, старинная, внушительного вида мебель и кровать с зелено-коричневым пологом. Раньше здесь спал отец, и Лазарус, получив в наследство титул, не потрудился что-либо изменить. Глядя в окно, он чувствовал, как медленно расслабляется каждая мышца его тела. Наступал бледный рассвет, Лазарус потянулся, не одеваясь, подошел к высокому туалетному столику и плеснул в лицо холодной водой, затем, надев желтый парчовый восточный халат, сел за стоявший в углу элегантный столик вишневого дерева – единственный предмет обстановки, который он добавил в эту комнату. Отец не одобрил бы привычку писать что-то в дезабилье.

Лазарус усмехнулся. Затем снял крышку с чернильницы и принялся за свой перевод. Катулл в этой поэме особенно язвительно высказывался о Лесбии. Лазарусу хотелось подобрать правильное слово, в совершенстве подходящее слово, которое сияло бы, как бриллиант на изысканном кольце. Эта работа требовала точности и внимания, и он мог заниматься ею часами.

Чуть позднее в комнату вошел слуга Смолл, и Лазарус увидел, что комнату заполнил яркий солнечный свет.

- Прошу прощения, милорд, – сказал Смолл. – Я не думал, что вы уже проснулись.
- Это не имеет значения, – ответил Лазарус, снова обращаясь к своему переводу. Слова прояснились, но он еще не мог правильно расположить их.
- Мне позвонить, чтобы вам принесли завтрак?
- Мм...
- Готовы ли вы заняться вашим туалетом?

Бах! И все пропало. Лазарус раздраженно бросил перо и откинулся на спинку стула. Смолл мгновенно приложил к лицу хозяина нагретую влажную салфетку.

Движения слуги были быстрыми и умелыми, а руки – мягкими, как у женщины.

Лазарус закрыл глаза, расслабляясь, по мере того как жаркая влажность впитывалась в его кожу. Он вспомнил светло-карие глаза миссис Дьюз, увиденные им прошлой ночью. Вспомнил, как она зажмурила их от удовольствия, когда он кормил ее сливовым пирогом. Как она в гневе прищурила их, когда он спросил, почему она не взяла пирог сразу. Смена ее настроения совершенно очаровывала его. Ее вспыхнувший гнев был так горяч, что Лазарус почти чувствовал жар. И его тянуло к ней, совсем как кошку притягивает тепло очага. Ее эмоции были незнакомы ему, неуправляемы, действовали возбуждающе и казались страшно интересными – а она так старалась скрыть их. Почему? Ему хотелось понаблюдать, проникнуть в их глубину и увидеть, как она краснеет, как учащается ее дыхание. Что могло бы рассмешить ее? А что могло испугать? А как бы ее глаза менялись в постели? Попыталась бы она сдержаться, или плотские ощущения оказались бы сильнее?

Странные мысли для такого раннего часа. Лазарус никогда не интересовался чувствами женщины. Она была всего лишь сосудом для удовлетворения его похоти. Но миссис Дьюз оказалась интересной женщиной.

Смолл снял салфетку и намылил пеной щеки хозяина. Лазарус не открывал глаз, не желая показать, как ему неприятно прикосновение бритвы к щекам. Он вцепился в подлокотники кресла. Допустить еще одно прикосновение было истинным испытанием, что частично объяс-

няло, почему он подвергается этим самым обычным манипуляциям каждое утро. Ему доставляло какое-то удовлетворение испытать страх и победить его.

Слуга закончил левую щеку, и Лазарус повернул голову, с дрожью отвращения подставляя правую щеку. Лазарус не мог не поморщиться, когда Смолл провел бритвой над его верхней губой. Когда-то, когда он был совсем маленьким, он испытал прикосновение, которое не напугало, не вызвало отвращения и не причинило ему немедленной боли.

Но это было очень давно, и этот человек уже давно умер.

Смолл вытер остатки мыльной пены с лица Лазаруса, и тот открыл глаза.

– Спасибо.

Если слуга и знал, какую боль он причиняет хозяину, этого нельзя было заметить по спокойному выражению его лица.

– Что вы сегодня наденете, милорд?

– Черные шелковые штаны и камзол с вышитым серебром жилетом.

Лазарус встал и сбросил халат на стул. Смолл подал ему одежду.

– И не забудь мою трость, – сказал Лазарус, пока слуга перевязывал его волосы черной бархатной лентой.

– Не забуду, милорд. – Смолл с сомнением взглянул в окно. – Вы куда-то едете?

– Я должен навестить мать, – невесело улыбнулся Лазарус. – И надо сделать этот визит как можно скорее.

Он взял протянутую Смоллом трость и, не ожидая ответа, вышел из комнаты.

Хозяйская спальня имела дверь, выходившую в верхний широкий коридор с панелями из резного дерева. Этот городской дом принадлежал семейству Кэр еще со времен деда. Теперь это уже была не самая фешенебельная часть Лондона, но дом был большим, величественным, и от него веяло старыми деньгами и властью.

Лазарус спустился по лестнице, скользя рукой по розовым перилам. Этот камень привезли из Италии, вырубали, вырезали и отполировали до зеркального блеска. Лазарус понимал, что, касаясь этого холодного гладкого камня, он должен что-то чувствовать. Может быть, гордость? Или ностальгию? Но он не чувствовал ничего особенного.

Совсем ничего.

Он спустился в нижний холл, и взял у дворецкого свой плащ и треуголку. На улице было ветрено, и носильщики портшеза замерзли, ожидая хозяина. Его портшез был новым, сделанным по заказу, снаружи его украшали черная эмаль и серебро, а внутри лежали алые плюшевые подушки. Один из носильщиков откинул верх, Лазарус ступил между поручнями и сел в портшез. Переднюю дверку закрыли и заперли, а верх опустили. Носильщики подняли портшез и отправились по лондонским улицам.

Лазарус гадал, что заставило мать вызвать его? Не собирается ли она снова просить денег? Это было маловероятным, поскольку она имела от него щедрое пособие и владела несколькими собственными именьями. Может быть, на старости она увлеклась азартными играми? Он громко фыркнул.

Носильщики остановились, и Лазарус вылез из портшеза. Дом, который он купил для матери, был небольшим, но весьма роскошным. Она жаловалась – все еще жаловалась, – что он заставил ее покинуть Кэр-Хаус.

В доме дворецкий проводил его в раззолоченную до неприличия гостиную. Лазарус просидел добрые полчаса, рассматривая золоченые завитушки на коринфской колонне, охранявшей дверь. Он мог уйти, но ему все равно пришлось бы когда-то разыграть этот фарс. Так уж лучше покончить с этим побыстрее.

Она вошла так, как входила всегда – остановившись в дверях на долю секунды, чтобы поразить своей красотой всех присутствующих.

Лазарус зевнул.

Она рассмеялась, но это не скрыло ее злости.

– Ты уже совсем потерял понятие о приличиях, сын мой? Или теперь модно не вставать, когда входит леди?

Он поднялся так лениво, что это выглядело как оскорбление, а затем, насколько это было возможно, коротко поклонился ей.

– Что вам нужно, миледи?

Это, конечно, было ошибкой. Показывая свое нетерпение, он давал ей повод затянуть встречу.

– О, Лазарус, неужели ты всегда ведешь себя так грубо? – Она осторожно опустилась на один из изящно раскрашенных диванов. – Это становится скучным. Я велела приготовить чай и сладкие булочки, так что, – она небрежно махнула рукой, – ты хотя бы из-за этого должен остаться.

– Должен? – тихо, с раздражением спросил он.

На красивом лице матери промелькнула нерешительность, но затем она твердо заявила.

– О да.

Лазарус сел, на минуту уступая своей стареющей матери. Пока они ждали обещанного чая, он разглядывал ее. Он ненавидел чай, всегда ненавидел. Она не знала об этом или скорее всего просто хотела вывести его из себя?

В молодости леди Кэр славилась своей красотой, и время пощадило ее. Ее лицо было прекрасно, четкий овал лица, длинная изящная шея. У нее были такие же, как и у него, глаза. Ясные, синие, со слегка приподнятыми уголками. Лоб белый и гладкий. Волосы, как и у него, прежде времени поседевшие, но вместо того, чтобы попытаться выкрасить их или носить парик, она гордилась их необычным цветом. Она любила темно-синие платья, подчеркивающие этот цвет, и носила черные или темно-синие шляпки, отделанные кружевом и драгоценными камнями.

Она всегда знала, как надо привлекать внимание.

– А вот и чай, – сказала мать, когда в комнату вошли две горничные с подносами. Не прозвучало ли в ее голосе облегчение?

Служанки молча поставили подносы и тихо вышли. Леди Кэр начала разливать чай. Она задержала руку над чашкой:

– Сахар?

– Нет, спасибо.

– Конечно. – К ней вернулась самоуверенность. Мать протянула ему чашку. – Я вспомнила: ни сахара, ни сливок.

Он поднял брови и отставил в сторону чашку, к которой так и не притронулся. Что за игру она затеяла?

Казалось, мать не заметила, что он не обратил внимания на чашку чая.

– Тебя видели со старшей мисс Тернер. Она тебя заинтересовала?

Он какое-то мгновение с искренним изумлением смотрел на нее, а затем расхохотался:

– Так вы решили подыскать мне невесту, мэм?

Она недовольно свела брови.

– Лазарус...

Он быстро перебил ее, переходя границу, которой они оба придерживались.

– Может быть, вы осмотрите и выберете несколько кобылок, а потом выстроите их передо мной в ряд, чтобы я сделал свой выбор? Конечно, это не так уж легко, учитывая слухи о моих странностях, распространяемые в лондонском обществе. Но самые расчетливые семьи наверняка будут держать своих девственниц подальше от меня.

– Не говори непристойностей. – Мать с жестом отвращения поставила свою чашку.

– Сначала грубости, затем непристойности, – заметил он. Его терпение иссякало. – В самом деле, мадам, удивительно, что вы вообще терпите мое общество.

Она нахмурилась.

– Я...

– Вам нужны деньги?

– Нет, я...

– Тогда у вас есть какое-нибудь срочное дело, которое вам требуется обсудить со мной?

– Лазарус...

– Ничего не случилось? – перебил он. – С вашими землями или слугами?

Она молча смотрела на него.

– В таком случае, боюсь, я должен уйти, леди Кэр. – Он встал и, не глядя ей в глаза, поклонился. – Желаю вам доброго утра.

Он был уже у двери, когда она сказала:

– Ты не знаешь. Ты не знаешь, каково это было.

Он стоял спиной к ней и не повернулся, чтобы ответить.

Мэри Хоуп не становилось лучше.

Темперанс с беспокойством смотрела на кормилицу, Полли снова и снова пыталась заставить младенца взять сосок. Крохотные вялые губы младенца были раскрыты, но ребенок лежал неподвижно, его глаза не открывались.

Полли подняла глаза и печально взглянула на Темперанс.

– Она не сосет, мэм. Я почти не чувствую ее.

Темперанс выпрямилась, поморщившись от боли в спине. Сейчас казалось, что она хлопотала над Полли и ребенком уже целые часы. Полли сидела в старом кресле с ребенком на руках. Это кресло было самым удобным предметом обстановки в ее маленькой комнате – Темперанс отдала его Полли, когда наняла ее как одну из кормилиц приюта. Кормилицы не жили в приюте. Они только брали подопечных к себе домой.

Поскольку Темперанс не могла следить за кормилицами, было очень важно найти женщин, которым она могла бы доверять, и Полли была лучшей из них. Немного старше двадцати, темноглазая и темноволосая кормилица была довольно хорошенькой. Она была замужем за моряком, который приезжал домой не слишком часто, однако успевал при этом завести со своей женой пару младенцев. Между его не слишком частыми посещениями Полли сама содержала и себя, и свое маленькое семейство.

Кроме кресла, в комнате Полли стояли стол и кровать с пологом, на стене висели дешевые картинки, изображавшие нарядно одетых леди. Над камином Полли повесила круглое зеркало, отражавшее тот слабый свет, который освещал комнату. На каминной полке расставила немногие принадлежавшие ей вещи: подсвечник, баночки для соли и для уксуса, чайник и оловянную чашку. В углу этой жалкой комнаты играли дети Полли – уже ходивший малыш и ребенок, только что научившийся ползать.

Темперанс снова взглянула на Мэри Хоуп. Комната Полли, хотя и бедная, была безукоризненно чистой, а сама Полли – чистоплотной и серьезной. В отличие от многих других женщин, которые зарабатывали на жизнь, она не пила и, казалось, по-настоящему заботилась о младенцах, которых ей поручали.

– Можешь попробовать еще раз? – с тревогой спросила Темперанс.

– Да, я приложу ее к соску, но не больна ли она?.. – заметила Полли, перекладывая ребенка. Она немного расшнуровала кожаный корсет и, оттянув шерстяную сорочку, оголила грудь.

– А что, если мы капнем ей в рот молока?

Полли вздохнула.

– Я вливала, но она проглотила только одну или две капли.

Самый маленький ребенок Полли, девочка, подползла и, прислонившись к креслу, заплакала.

– Можете поддержать ее минутку, пока я займусь своей?

Темперанс почему-то не хотелось брать в руки это хрупкое дитя, но Полли уже вкладывала Мэри Хоуп ей в руки. Темперанс напряженно держала ребенка, девочка была легче перышка. Полли положила на колени своего ребенка. Ее дитя мгновенно ухватилось за сосок и сосало, удовлетворенно захлебываясь, пухлыми пальчиками держась за большой палец своей ножки. Темперанс перевела взгляд с явно упитанного ребенка на впалые щечки Мэри Хоуп. Девочка уже открывала глаза, но они смотрели куда-то поверх плеча Темперанс, и вокруг них собирались морщинки, которых не было у толстенького здорового ребенка.

Темперанс поспешила отвести взгляд, ее грудь сжималась от чувства, которое она не хотела называть. Она не будет испытывать какие-то чувства к этому умирающему ребенку, не будет. В прошлом она уже обожглась, щедро раздавая свою любовь, и теперь держала ее в своей груди под замком.

– Ну, голубка, ты довольна? – ласково спросила Полли девочку, которую держала на руках. Потом взглянула на Темперанс. – Дайте мне попытаться еще раз.

– Хорошо, только не забывай о своих, – сказала Темперанс, с облегчением передавая ей Мэри Хоуп. Она слышала о кормилицах, которые морили голодом собственных детей, чтобы накормить ребенка, за которого платили.

– Не беспокойтесь, – заверила Полли. – У меня молока всем хватит.

Она подтвердила свои слова, обнажив вторую грудь, и приложила к ней Мэри Хоуп, в то время как ее собственный ребенок продолжал сосать первую грудь.

Темперанс кивнула.

– Спасибо. На этой неделе я оставлю тебе побольше денег. Обязательно потратить их на еду для себя, пожалуйста.

– Так и сделаю, – ответила Полли, уже наклонившись к больному ребенку.

Темперанс, немного поколебавшись, в конце концов просто пожелала Полли доброй ночи и ушла. Что еще она могла сделать? Она прошла через многолюдные комнаты дома, в котором Полли снимала комнату.

Темперанс наняла самую лучшую кормилицу и даже платила ей дополнительные деньги из скудных фондов приюта.

Остальное было в руках Божьих.

Уже начинало темнеть, в Сент-Джайлсе кончался день. Темперанс охватила дрожь. Мимо нее прошла женщина, несущая на голове плоскую широкую корзину с остатками устриц. Уинтер передал, что сегодня допоздна останется работать в школе, но все равно нужно приготовить ужин и уложить детей перед встречей с лордом Кэром.

В дверной нише, мимо которой она проходила, шевельнулась огромная тень, и у Темперанс замерло сердце.

Она услышала звучный голос лорда Кэра.

– Добрый вечер, миссис Дьюз.

Она остановилась, с возмущением подбоченясь.

– Что это вы здесь делаете?

Она увидела, как под треуголкой удивленно поднялись его брови.

– Жду вас.

– Вы следите за мной!

Он, несколько не смущенный ее обвинением, кивнул:

– Так и есть, миссис Дьюз.

Она раздраженно вздохнула и пошла дальше.

– Вам, должно быть, страшно надоело играть в такую детскую игру.

Он усмехнулся, и ей показалось, будто его плащ прикоснулся к ее юбкам.

– Вы и понятия не имеете.

Неожиданно она вспомнила его поцелуй, уверенный, горячий и совсем не нежный. Вспомнила, как забилось сердце, как кожа стала влажной от пота. Он представлял собой угрозу, угрозу всем ее эмоциям, которые она так напряженно сдерживала. Она резко ответила:

– Я не развлечение для скучающего аристократа.

– А разве я это говорил? – спокойно спросил он. – К кому вы приходили в этот дом?

– К Полли.

Он стоял позади нее так тихо, что можно было подумать, что он превратился в призрак.

Темперанс вздохнула. Любой другой джентльмен – особенно аристократ – отвернулся бы от нее при таких язвительных словах и в праведном мужском гневе оставил бы ее. Какую бы игру ни вел лорд Кэр, он был терпелив.

И кроме всего прочего, приют нуждался в попечителе.

– Полли – это наша кормилица, – уже спокойнее объяснила Темперанс. – Вы помните, той ночью, когда мы встретились, я принесла в приют еще одного ребенка. Я поместила младенца, очень слабую девочку, у Полли, чтобы она выкормила ее. Малышку зовут Мэри Хоуп.

– Кажется, вы... – Он умолк, словно раздумывая над тоном ее голоса. – Огорчены.

– Мэри Хоуп не сосет, – сказала Темперанс.

– Значит, этот ребенок умрет, – отчужденно сказал Кэр.

Она остановилась и резко повернулась к нему.

– Да! Да, Мэри Хоуп умрет. Почему вы так равнодушны?

– А почему вы так равнодушны? – Он остановился, как обычно слишком близко от нее, и ветер развевал его плащ, который, как живой, обхватывал ее юбки. – Почему вы так переживаете из-за ребенка, которого едва знаете? Вы ведь знали, что ребенок болен, возможно, уже умирает, когда несли его в приют?

– Потому что это моя работа, – яростно заявила она. – Это причина, по которой я просыпаюсь, причина, по которой я ем и сплю, эта причина – забота о детях. И содержание приюта.

– И это все? Вы не любите самого ребенка?

– Нет, конечно, нет. – Она повернулась и пошла дальше. – Я... я, конечно, беспокоюсь о каждом ребенке, но позволить себе любить умирающего ребенка было бы верхом глупости. Не думайте, что я этого не понимаю, милорд.

– Какая самоотверженность, – с легкой насмешкой сказал он. – Настоящая мученица. Да вы, миссис Дьюз, просто святая. Вам не хватает только нимба и окровавленных ладоней.

Резкий ответ уже был готов сорваться с ее языка, но Темперанс сжала губы и проглотила слова.

– И все же, – где-то позади, близко от нее, заговорил лорд Кэр. – Интересно, можно ли запретить себе полюбить ребенка? Некоторым это, наверное, легко, но в вас, миссис Дьюз, я очень сомневаюсь.

Он раздражал ее, и она ускорила шаги.

– Вы считаете себя знатоком эмоций, милорд?

– Вовсе нет, – тихо ответил он. – Я редко что-то чувствую. Но, как безногий человек, я необъяснимо восхищаюсь теми, кто умеет танцевать.

Они завернули за угол, и она, задумавшись, не заметила, что они удалились от приюта.

– Вы ничего не чувствуете?

– Ничего.

Она остановилась и с любопытством посмотрела на него.

– Тогда зачем тратить столько времени на поиски убийцы вашей любовницы?

Он не без цинизма скривил губы.

– Я бы не придавал этому слишком большого значения. Всего лишь каприз.

– А теперь кто лжет? – прошептала она.

Он раздраженно посмотрел в сторону.

– Я заметил, что мы идем не к вашему дому.

Странно, но ее разочаровала смена темы. Если он на самом деле не испытывал никаких чувств, то зачем проводить месяцы в поисках убийцы? Не чувствует ли лорд Кэр большее, чем признает? Или он действительно тот холодный, бесчувственный аристократ, каким изображает себя?

Но он молчал, явно ожидая ее ответа. Темперанс вздохнула.

– Я веду вас на Хэнгманс-элли, где обитает Марта Суон.

– А ваш брат не будет беспокоиться, если вы не вернетесь домой?

– Если мы сумеем и вернемся через час, я скажу, что навещала других кормилиц, – проворчала Темперанс, шагая дальше.

– Вот как, миссис Дьюз? Вы лжете своему родному брату?

На этот раз она просто пропустила его замечание мимо ушей. Наступила глубокая ночь, улицы опустели, грабители вышли на охоту, и Темперанс радовалась, что взяла с собой пистолет. Прошло полчаса, когда они свернули на Хэнгманс-элли, туда, где собирались грабители, воры и карманники. Интересно, сознает ли лорд Кэр всю опасность пребывания в этом месте? Она искоса взглянула на него и заметила, как он движется с грацией хищника, зажав в кулаке свою трость черного дерева, как будто это была дубинка.

Он перехватил ее взгляд.

– Какое приятное соседство.

– Хм. – Но несмотря на небрежный тон, Темперанс радовалась, что у него был такой грозный вид. – Вот именно.

Она показала на ободранную вывеску, на которой был нарисован башмак.

Мать-утешительница сказала, что Марта Суон живет над лавкой сапожника. В здании было темно, и вблизи никого не было видно. Темперанс плотнее завернулась в накидку, незаметно нащупывая под юбками пистолет. Надо было взять с собой фонарь. Лорд Кэр подошел к двери и постучал в нее тростью. Внутри глухо отозвалось эхо.

– Если она карманница или проститутка, ее может и не быть дома, – сказала Темперанс.

– Не сомневаюсь, – ответил лорд Кэр. – Но я предлагаю просто посмотреть.

Она хотела возразить, но увидела, как за его плечом зашевелились тени. У нее перехватило дыхание, и крик замер на губах, когда она увидела три фигуры, появившиеся в переулке и быстро приближавшиеся к ним.

Намерения их были предельно ясны.

Она бы крикнула, предупреждая лорда Кэра, но это было лишним. Он посмотрел ей в лицо.

– Бегите!

Затем он развернулся, прикрывая ее собой, и повернулся лицом к нападавшим. Приближаясь к нему, они разделились: двое подошли к лорду Кэру с боков, а третий, в центре, взмахнул ножом. Лорд Кэр ударил его тростью по руке, отклоняя первый удар. Он достал из трости короткий клинок, и тут все трое набросились на него, нанося удары ногами и кулаками.

Лорд Кэр, хотя и вооруженный, будет повержен, это был только вопрос времени.

А у нее пистолет. Темперанс подняла юбки и нащупала мешочек. Она вытащила из него пистолет и опустила юбки.

Темперанс подняла глаза как раз в тот момент, когда лорд Кэр что-то проворчал и покачнулся так, как будто его ударили. Один из нападавших, шатаясь, отошел в сторону, но оставшиеся не отпускали лорда Кэра. Она подняла пистолет, но дерущиеся сплелись в один клубок. Если она выстрелит, то может попасть в лорда Кэра.

А если не выстрелит, они его убьют. Она видела, как один из бандитов приставил нож к боку лорда Кэра. Больше ждать некогда.
Темперанс выстрелила.

Глава 4

Король Ледяное Сердце обращался к своему народу с речью. Но поскольку он владел мечом лучше, чем пером, король тщательно репетировал свою речь. И однажды утром король Ледяное Сердце расхаживал по балкону в своем великолепном дворце, обращаясь с речью к свежему воздуху и синей птичке, сидевшей в клетке.

– Народ мой, – начал король свою речь, – я горжусь тем, что правлю вами, а вы гордитесь тем, что живете под моим управлением. Я знаю и то, что вы, мой народ, любите меня...

Но в этот момент король остановился, услышав, как кто-то хихикнул...

«Король Ледяное Сердце»

За его спиной раздался выстрел. Дикая ярость переполнила Лазаруса. Они не могли, они не имели права нападать на маленькую мученицу. Она принадлежала ему, была его игрушкой.

Он в безумном гневе бросился на грабителя справа и глубоко вонзил нож в его живот. Он увидел расширившиеся от изумления глаза раненого и в ту же минуту почувствовал какое-то движение слева. Он развернулся и, оставив нож, ударил остатком трости по руке второго нападавшего. Тот взвыл, хватаясь за поврежденную руку, и кинжал выпал из его пальцев. Обезоруженный, грабитель осознал свою незащищенность. Он выругался, отскочил назад и бросился бежать. Он исчез так же быстро, как и появился. Лазарус повернулся к третьему нападавшему, но тот тоже исчез. Неожиданно наступила тишина.

И только тогда он оглянулся и посмотрел на свою маленькую мученицу.

Она все еще стояла, выпрямившись, с пистолетом в опущенной руке.

Не пострадала. И жива. Слава Богу.

– Какого черта вы не убежали? – очень тихо спросил он.

Она же, черт бы ее побрал, держалась с достоинством, подобающим упрямым мученикам. Она была совершенно спокойна, ни один волосок не шевельнулся на ее голове, а губы оставались красными и соблазнительными.

– Я не могла вас бросить.

– Нет, – сказал он, приближаясь к ней, – могли, и должны были. Я приказал вам бежать.

Казалось, его гнев не произвел на нее никакого впечатления, она не смотрела на Кэра, засовывая свой громоздкий пистолет в жалкий мешочек.

– Я не подчиняюсь вашим приказаниям, милорд.

– Не подчиняетесь приказаниям, – проворчал он, как рассерженная старуха. С одной стороны, смешно, каким ослом он оказался, но, с другой стороны, очень, очень важно, чтобы она поняла, что должна подчиняться ему. – Позвольте вам сказать...

Он хотел взять ее за руку, но Темперанс отдернула ее, и острая боль пронзила его плечо.

– Проклятие!

– Что с вами? – забеспокоилась Темперанс.

Если его забота отталкивала ее, то слабость привлекала. Противоречивое создание.

– Ничего.

– Тогда почему вы вскрикнули от боли?

Он с раздражением заглянул под свой плащ.

– Потому что, миссис Дьюз, я, кажется, получил ножевую рану. – Теперь он чувствовал, как намокает от крови камзол.

Темперанс побледнела.

– О Боже. Почему вы не сказали? Может быть, вам надо сесть и...

– Кто там?

Они оба обернулись и увидели сгорбленную маленькую женщину, которая выглядывала из лавки сапожника. Она прищурилась.

– Я слышала, кто-то стрелял из пистолета.

Лазарус шагнул к старухе, но она, увидев его, отступила. Лазарус быстрым движением оказался у нее за спиной и закрыл дверь, не давая ей сбежать.

– Мы пришли к Марте Суон.

При этом имени женщина отшатнулась.

– Кто вы? – крикнула она, переводя взгляд с одного на другого. Она явно была слепа, или почти слепа. – Я ничего не скажу...

Миссис Дьюз взяла ее руку.

– Мы не сделаем вам ничего плохого. Нам сказали, что здесь живет Марта Суон.

Казалось, жест миссис Дьюз успокоил старуху.

– Марта жила здесь, да.

– Значит, она уехала?

– Умерла. – Старуха снова прислушалась. – Сегодня утром ее нашли мертвой.

– Как? – Глаза Лазаруса сузились. Рукав пропитался кровью, но Кэру нужны были эти сведения.

– Говорят, ей распороли живот, – прошептала старуха. – Распороли сверху донизу и разбросали внутренности.

– Боже милостивый, – выдохнула миссис Дьюз. Должно быть, она выпустила руку старухи, ибо та обернулась и, открыв дверь, бросилась в дом.

– Подождите! – крикнула миссис Дьюз.

– Оставьте ее, – сказал Лазарус. – В любом случае она нам сказала все, что мы хотели узнать.

Миссис Дьюз открыла рот, словно собираясь возразить, но затем закрыла его и плотно сжала губы. Кэр подождал, пока она справится со своим гневом.

– Наступит день, когда вы сломаетесь, – тихо сказал Лазарус. – И я молю Бога, чтобы я оказался там, где это произойдет.

– Я не понимаю, о чем вы говорите.

– Нет, понимаете. – Он повернулся и без колебаний поставил ногу на грудь человека, которого заколол кинжалом. Затем Лазарус вытащил свой короткий кинжал из мертвого тела. Человек лежал лицом вверх, и свет, падавший из ближайшего окна, отражался в его невидящих глазах. Кусок кожи прикрывал то место на его лице, где должен был находиться нос. Разве парень думал, что этот день закончится тем, что он будет лежать мертвым в грязной канаве? Сомнительно.

Но только полный идиот оплакивает смерть своего убийцы.

Лазарус вытер кровь со своего кинжала и вложил его в другую половину черной трости. Потом взглянул на миссис Дьюз.

– Лучше всего доставить вас домой, там вы будете в относительной безопасности, мадам.

Она кивнула и пошла рядом с ним. Лазарус шагал быстро, твердо сжимая в правой руке трость. У него не было ни малейшего желания оказаться легкой добычей для грабителей или какого-нибудь другого хищника, который может встретиться на улицах Сент-Джайлса. Ночь была темной, луна скрывалась за облаками. Кэр находил дорогу инстинктивно или руководствуясь слабым светом, падавшим из окон, мимо которых они проходили. Миссис Дьюз, как почти прозрачная тень, шла рядом, не отставая. Кэр невольно восхищался ею. Она могла ранее отказаться подчиняться ему, но она и глазом не моргнула во время драки. К тому же она оказалась предусмотрительной, прихватив с собой оружие.

– Вам надо тренироваться, если вы собираетесь носить с собой пистолет, – сказал он и почувствовал, как она напряглась.

– По-моему, у меня все получилось.

– Вы промахнулись.

Она посмотрела на него, и даже в темноте он почувствовал, как она рассердилась.

– Я выстрелила в воздух!

– Что? – Он остановился и схватил ее руку.

Она попыталась вырваться, но вспомнила о его ране и разгневанно сжала губы.

– Я выстрелила в воздух, потому что боялась, что, целясь в грабителей, могу попасть в вас.

– Дурочка, – прошипел он, а сердце снова забило от страха. Глупая маленькая мученица.

– Что?

– В следующий раз – если следующий раз будет – цельтесь в нападающих, и не важно, чего это будет стоить.

– Но...

Он тряхнул ее руку.

– А вы представляете себе, что бы они с вами сделали, если бы мне не удалось разогнать их?

Она недоверчиво склонила голову набок.

– Так вы бы хотели, чтобы я выстрелила и, возможно, ранила или убила вас?

– Да. – Он отпустил ее руку, и они пошли дальше. Теперь он испытывал пульсирующую боль в плече, а намочшая от крови рубашка холодила тело.

Темперанс ускорила шаги, чтобы не отставать.

– Я вас не понимаю.

– Мало кто понимает.

Это, казалось, заставило ее замолчать, хотя и не надолго. Они вышли из переулка на более широкую улицу.

– Очень странно, – тихо заметила миссис Дьюз.

– Что? – Лазарус был настороже и пристально смотрел по сторонам.

– Что Марту Суон убили так же, как и вашу любовницу.

– В этом нет ничего странного, если убийца – один и тот же человек. – Он скорее почувствовал, чем заметил ее быстрый взгляд.

– Вы думаете, это один и тот же человек?

Он пожал плечами и прикусил губу от боли, пронзившей плечо.

– Не знаю, но было бы очень странно, если бы в Сент-Джайлсе появился еще один убийца, тем же самым способом убивающий женщин.

Темперанс, казалось, задумалась на несколько минут, а затем сказала:

– Моя служанка Нелл Джонс говорит, что это призрак святого Джайлса потрошит свои жертвы.

Лазарус рассмеялся, преодолевая нарастающую боль в плече.

– А вы видели этот призрак, миссис Дьюз?

– Нет, но...

– В таком случае я думаю, что этот призрак всего лишь выдумка, чтобы пугать темной ночью маленьких детей. А человек, которого я ищу, создан из плоти и крови.

Они шли молча и, как им казалось, страшно долго, пока не увидели дверь приюта.

Лазарус с облегчением вздохнул, он чувствовал слабость и головокружение.

– Вот вы и пришли. Когда войдете, не забудьте задвинуть засов на двери.

– О нет, не уходите. – Она схватила его за руку. Рукав прикрывал его кожу от ее прикосновения, но еще никто не прикасался к нему без разрешения. Обычно он отвечал на такое сарказмом, грубостью и силой. С Темперанс же он не знал, что делать.

Миссис Дьюз положила свой мешочек, откуда-то из-под накидки извлекла ключ и отперла дверь.

– Нам надо осмотреть вашу рану.

– В этом нет необходимости, – сухо возразил Кэр.

– Сейчас же, – сказала Темперанс, и каким-то образом он оказался в старой кухне. Прошлой ночью он тайком пробрался через нее в ее маленькую гостиную. Тогда было пусто и темно и только в камине светились угли. Сейчас же в камине бушевало пламя и сюда набилась целая стая детишек самых разных возрастов. И мужчина.

– О, мэм, вы дома! – воскликнула самая старшая девочка.

А мужчина в недоумении встал из-за кухонного стола.

– Темперанс?

– Уинтер, ты рано вернулся, – рассеянно заметила она. – Да, я уже дома, Мэри Уитсон, целая и невредимая, но, боюсь, не могу сказать того же о его милости. Пожалуйста, налей в миску горячей воды. Джозеф Тинбокс принеси мне мешок с тряпками. Мэри Ивнинг, не можешь ли ты освободить часть стола? А вы садитесь сюда.

Последнее указание относилось к Лазарусу. Он собрал все свое мужество и послушно опустился на указанный стул. Брат миссис Дьюз пристально смотрел на него, и Лазарус прикинулся слабым, раненым и беспомощным, хотя почувствовал, что Уинтер не доверяет ему.

В кухне было жарко, низкий оштукатуренный потолок отражал жар пылающего камина. Дети, должно быть, были заняты приготовлением пищи.

Над огнем висел огромный котел, за которым наблюдала одна из старших девочек, а на столе лежало что-то похожее на тесто. Все дети были заняты, только маленький мальчик стоял на одной ноге и, держа на руках хромую кошку, смотрел на Лазаруса.

Лазарус поднял бровь, и мальчишка вместе с кошкой поспешил спрятаться за юбками миссис Дьюз.

– Кто этот джентльмен, Темперанс? – спокойно спросил Уинтер Мейкпис.

– Лорд Кэр, – ответила миссис Дьюз, помогая девочке по имени Мэри Ивнинг снять со стола миску с мукой. – Он ранен.

– Неужели? – спросил Мейкпис, теперь немного резче. – И как же это случилось?

Она колебалась лишь долю секунды, так коротко, что, вероятно, только Лазарус это заметил.

Он широко улыбнулся.

Миссис Дьюз поджала губы.

– На лорда Кэра напали в четверти мили отсюда.

– Да? – Мейкпис привычно поднял голову, ожидая продолжения объяснений.

– И я привела его сюда, чтобы мы помогли ему. – Она одарила брата быстрой ослепительной улыбкой.

Но Уинтер больше привык к ее чарующим уловкам, чем Лазарус. Он лишь удивленно поднял брови:

– И ты случайно встретила с лордом Кэром?

– Ну, не...

Миссис Дьюз, должно быть, покровительствовал сам Господь Бог. В эту минуту вернулся мальчик, посланный за «мешком с тряпками», и его появление избавило ее от дальнейших объяснений.

– А, хорошо, Джозеф Тинбокс. Спасибо.

Она взяла мешок и положила его на стол, рядом с миской с горячей водой, которую принесла девочка по имени Мэри Уитсон. Затем она сурово посмотрела на Кэра.

– Раздевайтесь.

Он поднял брови, подражая ее брату:

– Простите?

О, где же были боги, которые покарали бы его за восторг. Ее щеки окрасил прелестный румянец.

– Снимите вашу... э... верхнюю одежду, милорд, – сквозь зубы процедила она.

Кэр, скрывая усмешку, снял шляпу и наклонился, чтобы сбросить плащ. Он чуть не выругался, когда боль от этого движения пронзила его плечо.

– Позвольте, я помогу вам. – Темперанс неожиданно оказалась рядом с ним, помогая снять камзол и жилет. Ее близость отвлекала Кэра и была почему-то приятна. Он почувствовал, что его тянет к ней, возможно, его привлек изящный изгиб ее шеи и слабый аромат лаванды.

Кэр нехотя поднял руки, позволяя Темперанс снять через голову рубашку. Когда он поднял глаза, его окружала толпа любопытных маленьких детей. Даже малыш вылез из-под юбок Темперанс.

Мальчик держал кошку поперек живота, и ее задние лапы болтались в воздухе. Она бы казалась мертвой, если бы не мурлыкала.

– Ее зовут Сут.

– Как интересно, – ответил Лазарус. Он ненавидел кошек.

– Мэри Уитсон, – сказал Мейкпис, – будь добра, отведи младших детей в столовую. И послушай, как они учат псалмы.

– Хорошо, сэр, – ответила девочка и выпроводила остальных детей из комнаты.

Миссис Дьюз кашлянула.

– Может быть, за ними лучше присмотреть тебе, Уинтер? Я справлюсь здесь сама.

Брат улыбнулся слишком доброжелательной улыбкой.

– Я полагаю, Мэри Уитсон прекрасно справится, сестра.

Мейкпис снова занял свое место напротив нее, но когда Темперанс повернулась и стала что-то искать в буфете, он бросил на Лазаруса испепеляющий взгляд. Уинтер Мейкпис был моложе Кэра лет на десять и имел внешность монаха-аскета, но если бы Лазарус обидел его сестру, Мейкпис совершил бы немислимое, чтобы отправить его в ад.

Темперанс отошла от буфета с баночкой мази в руке. Она старалась не морщиться при виде раны лорда Кэра. Все его плечо было в крови, кровь тонкими струйками стекала по руке к запястью, такая поразительно алая на его белой коже. Кровь из открытой раны капала и на грудь, и Темперанс беспомощно смотрела, как алая струйка стекает по его невероятно мускулистой груди, покрытой редкими черными волосками, к темному соску, к полоске черных волос, начинавшейся у пупка и уходящей за пояс.

Боже праведный.

Темперанс поспешно отвела глаза и отвернулась, пытаясь вспомнить, что делала. В руке она держала баночку с мазью. Его рана. Так, нужно промыть и перевязать рану.

Темперанс поспешно поставила на стол мазь и перехватила сердитый взгляд Уинтера, устремленный на аристократа. Она быстро окинула взглядом обоих мужчин и прищурилась. Уинтер снова надел маску терпеливой невинности, а лорд Кэр ответил широкой улыбкой и насмешливым блеском глаз. Неужели он видел, как Темперанс тарасилась на его наготу?

О, нехорошо. Но сейчас не время смущаться, как девушке со слабыми нервами.

Темперанс, успокаиваясь, вздохнула.

– Не хотите ли глоток вина, милорд? Эта процедура может быть болезненной.

– Пожалуй. Мне бы не хотелось упасть в обморок. – За его невинными словами крылась ирония.

Темперанс осуждающе посмотрела на Кэра, в то время как Уинтер встал, чтобы достать их единственную бутылку вина, припрятанную для особого случая. Но оказание помощи лорду было особым случаем.

Темперанс достала из мешка чистую тряпочку, намочила ее в горячей воде и решительно повернулась к лорду Кэру. Вернулся Уинтер и откупорил бутылку. Он налил вино в чашку и протянул ее лорду Кэру. Темперанс вытирала кровь вокруг раны. Кожа лорда Кэра была теплой и гладкой. Он вздрогнул от прикосновения ее пальцев и резким движением отставил чашку.

Темперанс бросила на него быстрый взгляд. Он смотрел прямо перед собой остановившимся взглядом.

– Вам больно? – с беспокойством спросила она. Она еще не дотронулась до раны, но некоторые люди более чувствительны к боли, чем другие. Может быть, он не шутил, говоря об обмороке?

Наступила пауза, но затем Кэр произнес:

– Нет. Мне не больно.

Он сказал это холодно, и насмешливость исчезла из его глаз. Что-то было не так, но Темперанс не могла понять, что именно.

Она снова занялась раной. Возникло странное ощущение, что он с огромным трудом сдерживается, чтобы не отшвырнуть ее. Темперанс приложила тряпочку к ране, почти уверенная, что он будет бурно протестовать. Но он, похоже, немного расслабился от боли.

Как странно.

Темперанс сняла тряпочку и осмотрела промытую рану. Она была длиной всего лишь в несколько дюймов, но глубокой. Кровь продолжала сочиться из нее через расхидившиеся края.

– Мне надо это зашить, – сказала Темперанс, подняв голову.

Он был так близко, его лицо было лишь в нескольких дюймах от ее лица. Она видела, как подергивается маленький мускул у губы – невольное движение, резко отличавшееся от все еще застывших черт его лица. Что-то промелькнуло там, в самой глубине его ярко-синих глаз. Что-то похожее на страдание.

У Темперанс перехватило дыхание.

– Я принесу твой чемоданчик, – сказал Уинтер.

Она подняла голову. Брат уже вставал из-за стола. Неужели он не заметил боли в глазах лорда Кэра? Или не заметил взглядов, которыми они обменялись?

Очевидно, нет.

Темперанс вздохнула, копаясь в мешке с тряпками, чтобы чем-то занять свои руки. Пальцы у нее дрожали. Она зашила множество порезов, излечивала царапины, ушибы и лихорадку, но никогда не причиняла такой боли, которая заполнила глаза лорда Кэра.

– Заканчивайте, – прошептал лорд Кэр.

Она с изумлением посмотрела на него. Уж не читал ли он ее мысли?

Он смотрел на нее, и вид у него был такой усталый.

– побыстрее зашейте меня, и я уйду.

Она оглянулась, но Уинтер все еще искал ее чемоданчик. Она снова посмотрела на лорда Кэра.

– Я не хочу причинять вам боль.

Его губы дернулись, но трудно было понять, поморщился он от боли или улыбнулся.

– Уверю вас, миссис Дьюз, что бы вы ни делали, это не увеличит боль.

Она смотрела на него и понимала, что боль, о которой он говорит, не вызвана раной на плече. Чем же тогда?..

– По-моему, все в порядке, – сказал Уинтер, поставив чемоданчик на стол. – Темперанс?

– Да? – Темперанс взглянула на него с рассеянной улыбкой. – Да. Спасибо, братик.

Уинтер подозрительно посмотрел на нее и лорда Кэра, но, ничего не сказав, снова сел за стол.

Темперанс облегченно вздохнула. Меньше всего ей хотелось, чтобы Уинтер начал расспросы. Она раскрыла свой чемоданчик, небольшой металлический ящичек, в котором хранила большие иглы, кетгут, маленькие острые щипчики, ножницы и другие инструменты, нужные для лечения ран. Она с удовлетворением заметила, что пальцы больше не дрожат.

Продев кетгут в большую иглу, Темперанс повернулась к плечу лорда Кэра и, проколов края раны, соединила их. Первый шов был наложен. Детей при этой процедуре часто приходилось держать. Некоторые плакали, или кричали, или впадали в истерику, но лорд Кэр, очевидно, был из более крепкого материала. Он только задержал дыхание, когда она проткнула его кожу, и больше ничем не показал, что испытывает боль.

Но сейчас она об этом не думала. Темперанс наклонилась еще ниже, удостоверившись, что швы получились маленькими, аккуратными и надежными. Им ведь предстояло держаться, пока рана не заживет как следует, иначе останутся безобразные шрамы.

Темперанс с облегчением вздохнула, отрезая последний кусок кетгута.

– Вот и все. Почти готово, – прошептала она, обращаясь скорее к себе, а не к раненому.

Он ничего не сказал, по-прежнему сидя как статуя, но когда она открыла баночку с жирной мазью и втерла мазь в рану, чуть прикасаясь пальцем, он вздрогнул. Она испуганно отдернула руку и взглянула ему в лицо.

Его лоб блестел от пота.

– Заканчивайте.

Она заколебалась, но не могла же она оставить рану неперевязанной. Прикусив губу, Темперанс терпеливо наложила мазь, чувствуя, как учащается его дыхание. Потом достала из мешка с тряпками большой кусок старой ткани, сложила его в несколько слоев и начала перебинтовывать его грудь. Ей приходилось наклоняться к раненому очень близко, обхватывая руками его торс. Лорд Кэр, казалось, сдерживал дыхание, отвернувшись, как будто ее близость была ему неприятна.

Он явно страдал от боли, и это должно было притупить ее собственную реакцию на его близость, но ничего не получалось. Теплота его кожи, жилка пульса на шее, даже мужской запах – все это вместе пробуждало в ней ее старых демонов. Темперанс дрожала, завязывая последний бинт.

Она отвернулась, и в ту же минуту лорд Кэр встал со своего стула.

– Благодарю вас, миссис Дьюз.

Она изумилась.

– Но ваша рубашка...

– Пусть станет тряпкой для вашего мешка. – Он поморщился, набрасывая плащ на голые плечи, и взял свою треуголку. – Как и жилет, и камзол. Еще раз благодарю и желаю доброй ночи, мистер Мейкпис.

Он коротко кивнул им обоим и направился к двери.

Темперанс выпрямилась, паника сжала ей горло. Неужели он отправится домой?

– Вы ранены, милорд, и с вами никого нет. Может быть, вы предпочтете провести эту ночь здесь, с нами?

Он повернулся, черный плащ взметнулся вокруг ног, и Кэр дотронулся до края треуголки кончиком своей черной трости. И Темперанс впервые заметила, что серебряный набалдашник его трости сделан в форме сидящего ястреба.

– Ваша забота льстит мне, но, уверяю вас, я благополучно доберусь до своей постели.

И с этими словами он ушел.

Темперанс вздохнула, неожиданно почувствовав свое одиночество.

Но только на минуту, пока Уинтер медленно не повернулся и под ним не скрипнул стул.

– Думаю, мне нужны объяснения, сестра. Как это ты познакомилась с этим лордом Кэром, обладателем дурной репутации?

Он был ночным существом, чуждым обществу людей. Ночной мрак Сент-Джайлса окутывал Лазаруса, спешившего покинуть Мейден-лейн и небольшой невинный детский приют миссис Дьюз. Здесь ему не место, как голубятня не место для сокола. Он перепрыгнул через зловонную канаву посередине улицы и повернул в другой узкий переулок, ведущий на запад. Что она подумала о нем, несчастном, лживом животном, которое даже не может переносить прикосновения себе подобных? Впереди в дверном проеме шевельнулась тень, и Кэр бросился туда, радуясь возможности проявить силу. Но тень отделилась от темноты и легким туманом исчезла в ночи.

Лазарус замедлил шаги, проклиная ускользнувшую возможность разрядить напряжение. Он чувствовал, как струйка крови стекает по телу – снова открылась рана. Но он не поэтому искал разрядки.

Он был возбужден. Его тело требовало удовлетворения с того самого момента, когда миссис Дьюз прикоснулась к его голой коже мягкими бледными руками. Ее прикосновение вызывало у него не только душевное страдание, но и эротическое желание такого накала, что даже холодный ночной воздух не мог остудить его.

Кэр беззвучно рассмеялся. Маленькая мученица, без сомнения, почувствовала бы к нему отвращение, если бы знала, что с ним творится. И еще сильнее стало бы ее отвращение, если бы она узнала, каким способом он удовлетворяет такие потребности своего тела. Если бы его бриджи не намokли от крови, он бы нашел женщину, отвечающую его требованиям. Он отвел бы выбранную женщину куда-нибудь в ближайшие комнаты и...

Перед ним встал образ его последней любовницы, Мари. Мари была мертва, ее тело растерзано и обезображено. Она была убита в комнатах, которые он снял для нее в Сент-Джайлсе. Она сама настаивала на этом месте, и в то время – два года назад – он не задумывался о местонахождении этих комнат. Но теперь стало очевидно, что ключ к ее убийству надо искать в Сент-Джайлсе. Этой ночью у Кэра была цель. Убийца с кожаным носом прошлой ночью был в заведении Матери-утешительницы. Возможно, он был просто грабителем, охотившимся за его кошельком, но Лазарус так не думал.

Кто-то не хотел, чтобы он искал убийцу Мари.

– Ты знаешь лорда Кэра? – Темперанс удивленно посмотрела на брата.

Он поднял бровь.

– Может быть, я всего лишь школьный учитель, сестра, но даже до меня в Сент-Джайлсе доходят сплетни.

– О! – Она опустила глаза, машинально протирая и убирая иголку и ножницы. Кажется, все на свете, кроме нее одной, слышали о лорде Кэре.

Уинтер вздохнул и встал. Он подошел к буфету и достал из него два бокала. Эти хрупкие бокалы когда-то принадлежали их матери, два из шести, первоначально входивших в сервиз. Уинтер поставил их на стол и осторожно налил в каждый немножко красного вина.

Затем он сел, отхлебнул и, закрыв глаза, сделал глоток. Уинтер откинул голову назад, и складки около его рта показались еще более глубокими.

– Скверное вино. Удивляюсь, что лорд Кэр не швырнул бокал в стену.

Темперанс взяла свой бокал и попробовала, сладкий, терпкий напиток согрел ее. Может, вино было из дешевых, но ее это не смущало. Она всегда находила забавным, что Уинтер, самый аскетичный из братьев, был разборчив в вине.

– Ты мне расскажешь, где ты встретила с этим лордом Кэром? – не открывая глаз, тихо спросил Уинтер.

Она вздохнула.

– Он посетил меня два дня назад.

Уинтер раскрыл глаза.

– Он приходил сюда?

– Да. – Она поморщилась и осторожно поставила бокал на кухонный стол.

– Почему я не знал об этом посещении?

Избегая его взгляда, она пожала плечами.

– Ты спал, когда он зашел. – Она затаила дыхание, опасаясь, что ей придется объяснять, каким образом лорд Кэр зашел в дом.

Но Уинтера беспокоило другое.

– Почему ты не разбудила меня, Темперанс?

– Я знала, что тебе это не понравится, – вздохнула она и села на стул, на котором недавно сидел лорд Кэр. Сиденье уже было холодным. Она знала, что ей все равно предстоит этот разговор с Уинтером, но трусливо оттягивала его. – Я не знаю, почему у него дурная репутация, но я знала, что тебе не понравится мое общение с ним.

– Так ты солгала мне?

– Да. – Она упрямо вздернула подбородок, заглушая укол совести. – Я заключила с ним сделку. Он поможет найти попечителя нашему приюту, а я за это помогу найти убийцу его любовницы.

– Неужели?

Темперанс глубоко вздохнула.

– Я уже заплатила ренту теми деньгами, которые он мне дал.

Наступило тяжелое молчание. Темперанс сглотнула и опустила глаза, избегая смотреть на ужасное выражение обиды на лице Уинтера. Она напомнила себе, что делает это ради него. Ради Уинтера и приюта.

Наконец брат тяжело вздохнул.

– Боюсь, ты не понимаешь, во что ввязалась.

– Не поучай меня. – Она сурово посмотрела на него. – Я знаю, что приют закроют, даже если ты доведешь себя работой до смерти. Я знаю, что не могу сидеть сложа руки и ждать, когда это случится. Я знаю, что могу помочь, я знаю...

– Лорд Кэр прославился своими сексуальными извращениями, – сказал Уинтер. Эти бесстрастно произнесенные точные слова остановили ее горячую речь.

Темперанс смотрела на него, закрыв рот. Если она хорошая женщина, чистая и добродетельная женщина, то эти слова должны вызвать у нее отвращение. А вместо этого она почувствовала трепетное возбуждение, что-то глубокое и запретное. О Боже.

А Уинтер продолжал:

– Будь осторожна, сестра. Я не могу остановить тебя, поэтому не буду и пытаться. Но если ты окажешься в опасности, я все расскажу Конкорду.

Она вздохнула, но ничего не сказала.

Глаза Уинтера, обычно такие добрые и спокойные, стали жесткими и решительными.

– И запомни: Конкорд сумеет остановить тебя.

Глава 5

А под балконом, на котором стоял король Ледяное Сердце, была каменная терраса с дверью, ведущей внутрь замка. За ней в ту минуту находилась очень маленькая и очень невзрачная служанка, которая стояла на коленях у камина. Ее звали Мег, и ее обязанностью было чистить каминные решетки в замке. Это была грязная работа, но Мег с удовольствием исполняла ее. Из-за того, что Мег была так невзрачна, другие обитатели замка не замечали ее присутствия. Поэтому она слышала немало разных разговоров.

И когда король, стоя на балконе, заявил о всеобщей любви к нему, Мег не удержалась и хихикнула. Она тут же зажала рот рукой, но было уже поздно...

«Король Ледяное Сердце»

Прошло два дня, и на третий день Сайленс, проснувшись, открыла глаза и увидела самое дорогое, что у нее было на этом свете: лицо своего мужа, Уильяма. Он спал, чуть приоткрыв полные губы, а его яркие зеленые глаза были закрыты. Тонкие белые морщинки разбегались от глаз, выделяясь на загорелой коже лица. Ночной колпак немного съехал со свежесбритой головы. Рыжеватые волосы на щеках блестели в лучах утреннего солнца. Рыжие, с сединой, завитки волос выглядывали из ворота ночной рубашки, подчеркивая мощь шеи. Глядя на него, Сайленс внутренне сжалась от желания раскрыть ворот ночной рубашки, поцеловать шею и, может быть, даже провести языком по его чудной, чистой коже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.